
Алина
Шнайдер
Тень
императрицы
часть вторая

Анна Шнайдер

Тень императрицы. Часть вторая

https://litres.ru/74738692

Аннотация

После совершённого покушения всё становится ещё сложнее. Вистан крутится рядом, и Виктория не в силах отказывать во встречах своему спасителю. Но так ли он искренен, как хочет казаться?

Да и Гай не прекращает странных ухаживаний, но в его искренности Виктория сомневается всё больше. Впрочем, навязчивые поклонники - не единственная её проблема.

Кажется, вокруг императорской семьи вновь зреет заговор, и Виктория скоро окажется в самом эпицентре.

ВТОРОЙ ТОМ!

Содержание

Глава первая 4
Глава вторая 37
Глава третья 66
Глава четвёртая 87
Конец ознакомительного фрагмента. 88

Глава первая

Сколько времени Виктория провела в странном состоянии полусна, она не могла определить. Лишь каким-то образом осознавала, что упала в обморок сразу после того, как откусила тот злополучный пирожок, — но по какой причине случился этот обморок? Понять не получалось. Вообще ничего не получалось — ни осознать, сколько минут или часов прошло, ни поднять руку или ногу, ни открыть глаза.

Виктория чувствовала себя так, будто парит в невесомости. Вокруг словно клубился тёмный дым — вязкий, какой-то противный и отчего-то горячий. Жар постепенно подступал ближе, опаляя горло, но сразу, как становилось тяжело дышать, сменялся приятной прохладой.

Кто-то что-то говорил совсем рядом, но слов разобрать Виктория тоже не могла. Она изо всех сил старалась побороть собственную беспомощность, напрягалась, пытаясь развеять морок, в котором парила, как муха в тумане, но без толку.

Реальность вернулась внезапно, будто упавший на голову камень. В ушах разом стало звонко от царящей рядом тишины, нос защекотало запахом лекарств, в груди появилось жжение, а резко распахнувшиеся глаза заслезились от яркого света настолько, что Виктория сразу зажмурилась.

— С пробуждением, — раздался поблизости тихий голос

императора. — Можешь говорить, Вик?

Она разлепила сухие губы и прошептала:

— Вроде. Пить очень хочется.

— Нельзя тебе пока пить, — с сожалением ответил Арен. Судя по звуку, он подошёл ближе и сел на постель возле Виктории. — Ещё где-то час нельзя. Надо дать лекарству время подействовать.

— А что со мной случилось? Это было какое-то покушение через пирожок?

— Именно, Вик, — ответил император абсолютно серьёзно. — И, кстати, спас тебя Болдиус. Все твои защитные амулеты действуют лишь при внешних проявлениях. Если бы в тебя кинули взрывным устройством, всё было бы проще, но заговорщики решили поступить иначе. Начинка пирожка была нашпигована взрывоопасными шариками. Немагическими, чтобы ни один из защитных артефактов не засёк. Стоило тебе раскусить один такой шарик, как он взорвался, потом начали взрываться и остальные, и если бы не Болдиус, успевший заморозить взрыв внутри твоего горла своей родовой магией, ты бы точно не выжила.

Виктория была изумлена.

Как же ловко всё оказалось продумано! Ведь её защита и правда здесь бесполезна. Впрочем, не только её — вряд ли в настоящее время существуют какие-либо артефакты против взрывных шариков внутри твоего организма. Это ведь не яд, на который обязательно отреагировал бы встроенный модуль

в её браслете связи, а крошечный механизм, реагирующий на раскусывание. То-то ей перед обмороком показалось, что она слышала треск у себя во рту!

— Торговку арестовали?

— Пока не знаю. Прошло полчаса, и всё это время я провёл здесь, в твоей комнате, вместе с нашим лекарем. Гектор не звал меня для доклада, значит, ещё роет землю.

Император замолчал, и Виктория тоже молчала, не в силах выцепить среди вороха разрывающих её голову мыслей и предположений что-то одно. Вопросов было множество… но в итоге она задала, пожалуй, самый обидный:

— Ты знал?

— Предполагал, — ответил Арен честно, и в его голосе ей почудилось сожаление. — Не способ, а сам факт того, что сегодня на тебя могут напасть. Мне было необходимо, чтобы это произошло, дабы получить след, по которому можно пойти.

— Получил?

— Надеюсь. Не сердись, Вик.

Она не сердилась. Виктория отлично знала своего мужа и понимала, что он вполне может использовать близких с какой-либо важной целью. Даже любимых близких. Пожалуй, это не касалось лишь детей и, наверное, Софии, но всех остальных — да. Однако и сам Арен мог пожертвовать собой ради того, чтобы в стране наконец воцарился мир. Чего только стоил последний День Альганны, когда император

шёл на Дворцовую площадь, зная, что его попытаются убить и не факт, что попытка окажется неудачной.

Собственно, Аарон ведь почти убил его. Если бы не Арманиус, нынешний ректор магического университета, всё бы получилось.

Так что не Виктории упрекать Арена.

— Я не сержусь, — вздохнула она. — Просто надеюсь, что это было не зря.

— Понимаю.

Император легко пожал её руку, лежавшую поверх одеяла, и встал.

— Отдыхай, Вик. Тадеуш уверил, что завтра с утра ты уже будешь в порядке, но сейчас тебе лучше поспать.

Виктория медленно кивнула, чувствуя, что муж абсолютно прав, — её сознание, вернувшееся совсем недавно, уже уплывало в сон. И через несколько секунд она провалилась в мягкое и тёплое ничто, не имевшее отношения к прежнему неприятному туману.

***

Не зря Гай считал, что охранник из него хуже некуда. Он только и успел, что сообразить: происходит нечто странное, — как Болдиус подскочил к закатившей глаза Виктории и, схватив её за горло, будто пытался задушить, воспользовался родовой магией.

Защита императрицы пропустила подобное самоуправство — значит, Вистан не желал навредить. Что, собственно, стало понятно сразу, как только он обратился к Гаю звенящим от паники голосом:

— Эй, ты! Немедленно свяжись с начальством! Её величество пытаются убить!

Болдиус по-прежнему держал Викторию за шею, и по его виску медленно катилась капля пота, а руки дрожали. Гай чувствовал, что от Вистана к императрице идёт мощный поток родовой магии и, вливаясь в тело женщины, обо что-то гасится. Словно внутри неё постоянно вспыхивал бешеный огонь — неконтролируемый, злой, неукротимый.

— Что же это такое, сколько там было этой гадости… — шептал Болдиус напряжённо, дыша, как загнанная лошадь, пока Гай отправлял Ральфу сигнал об экстренной ситуации и просьбу о помощи.

«Мы уже знаем, скоро будем», — откликнулся Рильо, и Гай опустил руку с браслетом. Посмотрел на Вистана и обнаружил, что тот больше не стоит — артефактор медленно садился на занесённый снегом камень Дворцовой набережной, не выпуская Викторию из рук, и вид у него был настолько бледный, будто он готовился уйти в мир иной. Ещё и из носа тонкая струйка крови сочилась — значит, Болдиус практически истощил возможности родовой силы. Такое случалось очень редко, ведь магия в крови — не то же самое, что резерв энергетического контура, — но всё-таки случалось.

Однако усилия Вистана не прошли даром — Гай ясно чувствовал, что от Виктории больше не исходят волны обжигающего жара. И напряжение, которое охватило его в тот момент, когда он понял, что императрица находится на волосок от гибели, потихоньку отступало, оставляя после себя лишь досаду, что Гай со своим уникальным даром не смог помочь Виктории. Его родовая магия была бесполезна там, где собственно магии никакой не было — а огненные вспышки, которые сотрясали тело женщины, были немагического происхождения.

— Где эти бездельники… — пробормотал почти задыхающийся Болдиус, и в этот момент со стороны салона платьев её высочества Анны раздался оглушительный грохот распахнувшейся двери, и на набережную из магазина сыпанула целая толпа сотрудников дворцовой службы безопасности, в том числе Ральф Рильо.

Впрочем, здесь оказалась не только охрана — Ральф привёл с собой парочку лекарей.

Всё сразу завертелось настолько быстро, что Гай и опомниться не успел, как ему было приказано возвращаться во дворец через салон принцессы и не мешаться под ногами.

Когда Гай поднимался на крыльцо к входной двери, навстречу ему из салона шагнул главный дознаватель собственной персоной. За его плечом маячили ещё двое сотрудников дознавательского комитета. Гектор Дайд смерил Гая полным прохладцы взглядом и поднял брови:

— А вы куда, уважаемый?

Чувствуя себя идиотом, Гай застыл как вкопанный и неожиданно подумал, что верный пёс императора, как Дайда периодически называли в газетах, очень похож на самого Арена — он, как и его величество, отлично умел останавливать кого угодно парой слов и кратким холодным взором.

— Ральф просил не мешаться под ногами.

Тонких губ коснулась лёгкая язвительная улыбка.

— Под ногами вы будете мешаться у охраны и лекарей. А я здесь по другому делу, и мне вы нужны. Идёмте.

И, обойдя замершего Гая, как незначительное препятствие, главный дознаватель бодро зашагал к месту покушения.

Всего через полчаса у Гая возникло отчётливое ощущение, что Дайд пытается вытянуть у него душу через трубочку, вставив её прямиком в мозг.

Пока подчинённые бегали по каким-то поручениям и, наверное, опрашивали жителей ближайших домов, сам главный дознаватель занялся Гаем, как единственным свидетелем произошедшего, находящимся в сознании. Да-да, Болдиус тоже к тому времени был без сознания, да и отсутствовал — его и Викторию унесли. Императрицу — во дворец, Вистана — в госпиталь.

Гектор заставлял Гая вспоминать каждую мельчайшую деталь. Куда шли Виктория и Болдиус, о чём разговаривали,

как выглядела торговка пирожками, куда она отправилась сразу после того, как императрица купила пирожок, что и как делал Вистан, когда пытался спасти её величество. Гай старался быть терпеливым, но нет-нет да и сжимал зубы, особенно когда обнаружил, что Гектор порой повторяет вопросы, словно проверяет, не врёт ли собеседник. Как будто Гай был способен соврать!

— Гектор! — к главному дознавателю внезапно подскочил один из его подчинённых. — Мы нашли дом, откуда пришла торговка. Она, видимо, торопилась и забыла о следах на снегу. По ним и нашли. Шелтон остался с хозяевами, он им пока зубы заговаривает.

— Отлично, — оживился Дайд. — Веди, Эрик.

— А мне что делать? — поинтересовался Гай и изрядно удивился, услышав от главного дознавателя краткое:

— Идите с нами. Ваши умения нам пригодятся.

Гай молча кивнул и пристроился рядом с Дайдом, который в свою очередь шагал за Эриком, показывающим дорогу к дому сообщников торговки. Точнее, торговкой эта женщина почти наверняка не была.

Интересно, кем она была, — учитывая тот факт, что на ней не имелось никаких иллюзий? Да и энергетического контура не было, и эманаций родовой силы Гай не чувствовал в тот момент. Наёмная убийца? А может, её вообще использовали вслепую? Нет, вряд ли. Узнав императрицу, и идиот сообразит, что дело нечисто.

Дом, куда Эрик вёл Гектора и Гая, располагался на улице, примыкающей к Дворцовой набережной. Чистая, ухоженная неширокая улочка состояла сплошь из небольших частных домиков — жить здесь было на редкость дорогим удовольствием, и без всякого сомнения, дом принадлежал аристократам.

Так и оказалось. Пожилая супружеская пара, увидев входящего в их гостиную Дайда, едва не упала в обморок. Женщина резко побледнела, сравнявшись цветом со снегом за окном, а мужчина, наоборот, побагровел до свекольности.

— Добрый вечер, — тоном радушного хозяина произнёс главный дознаватель, останавливаясь посреди комнаты в приятных персиковых тонах. Если бы не повод, Гаю бы здесь даже понравилось. — Думаю, представляться мне нет смысла. Но я был бы счастлив узнать, в чей дом вломился.

— Бардор и Авиленна Вайтимиусы, — ответил вместо хозяев дома тот дознаватель, что оставался здесь, пока Эрик бегал за Дайдом. — Родители близнецов Верда и Вайлы Вайтимиус.

— А-а-а, припоминаю, — кивнул главный дознаватель, в упор глядя на супругов-аристократов. — Милейшие ребята ваши дети. Занимались вербовкой студентов. Оба работали преподавателями, только Верд — в Магическом университете Граааги, а Вайла — в Институте прикладных наук. Искали полезных аристократов. Одну девочку шантажом довели до самоубийства — она предпочла умереть, но не вступить

в заговор. Да, милейшие ребята, — повторил Дайд, холодно улыбнувшись. — Значит, вы решили пойти по их стопам?

— Мы не знаем, о чём вы говорите, айл, — слегка дрожащим голосом ответил Бардор Вайтимиус, нервно теребя руками собственные домашние брюки. — Мы всего лишь договорились с местной торговкой пирожками, что она будет переноситься сюда из дома, дабы не тащиться со своим лотком с ближайшей городской площадки для переносов. Разве это преступление?

— Очень благородно, — деланно восхитился Гектор. — Что ж, если всё так, как вы говорите, то вам абсолютно нечего бояться. Гай, — неожиданно обратился Дайд к охраннику императрицы, — осмотрите обоих на предмет неожиданных артефактов. Особенно ментальных.

Кратко кивнув, Гай сделал шаг вперёд по направлению к сидящему на диване мужчине. Вайтимиус пронзил Гая ненавидящим взглядом и почти завизжал:

— Как вы смеете! Закон запрещает обыскивать аристократов без ордера!

— Согласен, существенное упущение со стороны императора, — почти лениво согласился Дайд. — Я обязательно напомню его величеству, чтобы он пересмотрел этот дурацкий закон. А пока, Гай, действуйте.

Он думал, супружеская пара будет сопротивляться, но им не дали такой возможности — Гектор запустил в обоих каким-то заклинанием, и Вайтимиусы оказались связаны по

рукам и ногам. Свободными оставались лишь рты, и пока Гай осматривал мужчину и женщину, из глотки Бардора почти беспрерывно вырывались грязные ругательства.

Дайд оказался прав — амулеты заговорщиков у супружеской пары имелись. И защитные, и ментальные, но с необычным действием — если бы Вайтимиусы попытались рассказать дознавателям правду, они бы моментально лишились памяти о последнем годе жизни. Кардинальное решение проблемы. И даже странно, что не взрыв. Судя по всему, последователи принца Аарона имели нездоровую тягу ко всяким огненным ловушкам и бомбам. Это ж надо было додуматься — запихивать взрывчатое вещество в пирожки!

Забрав у супругов все амулеты, Гай вопросительно взглянул на Дайда — ему было интересно, не прикажет ли главный дознаватель дезактивировать амулеты — но тот покачал головой.

— Оставьте пока у себя, я потом заберу. А мы сейчас послушаем наших птичек.

— Почему птичек? — непроизвольно вырвалось у Гая, и по губам Дайда зазмеилась полная мрачного предвкушения усмешка.

— Потому что они, — он кивнул в сторону аристократов, — сейчас запоют.

Гай не был уверен, что супругов будет легко расколоть — всё-таки они, по-видимому, уже лишились главного — своих детей, а значит, могут заупрямиться из чувства противоре-

чия. Однако Гектор оказался прав, и сопротивлялись Вайтимиусы недолго. Впрочем, глядя на то, как Дайд ведёт допрос, Гай вынужден был признать, что мало кто смог бы устоять перед напором главного дознавателя.

Гектор даже начал свой допрос так, что хозяева дома сразу растерялись.

— Ну-с, расскажите мне, что заставило потомственных аристократов, живущих в одном из самых дорогих домов столицы, помогать жалкой торговке пирожками без малейшей искорки магии?

И звучал этот вопрос так, что становилось понятно: ни в какой альтруизм главный дознаватель не поверит никогда в жизни.

Пару минут Бардор пытался не слишком убедительно доказать, что они просто пожалели торговку, чьи пирожки жена однажды попробовала на улице. Старушка, мол, посетовала, насколько тяжело ходить на набережную с Дворцовой площади, и он предложил женщине переноситься в прихожую их дома, что она и осуществляла в те дни, когда работала.

— Ваша жена, значит, — слегка насмешливо покивал Гектор. — Ваша жена — владелица одного из самых лучших ресторанов столицы, прекрасная Авиленна, чьё интервью я имел удовольствие однажды читать. И отлично помню, как она утверждала, что никогда не покупает уличную еду, потому что боится отравиться. Вы говорили так, айла Вайти-

миус?

Бледная до голубизны женщина сначала помотала головой, но затем кивнула.

— Дура, — процедил Бардор, и жена покосилась на него с неприязнью.

— Ой, отстань! Ты ещё не понял? Нас подставили! Чего ты отпираешься? Расскажем всё — может, нам жизнь сохранят!

Мужчина презрительно фыркнул, показательно задрав подбородок, а Дайд между тем говорил его супруге:

— Вы абсолютно правы, айла, — если вы поделитесь сведениями, это зачтётся при вынесении приговора. Императрица выжила, это значит, что наказание не будет настолько строгим, как в случае с убийством.

— Выжила?! — хором воскликнули супруги, и Дайд насмешливо улыбнулся.

— Что вас удивляет? Убить супругу его величества не так уж и просто, даже при помощи таких оригинальных начинок в пирожках. Итак? Каково ваше решение — вы рассказываете или продолжаете упорствовать?

— Рассказываем, — процедил Бардор, и тут из прихожей раздался взволнованный голос Эрика:

— Гектор, я смог проследить остаточный след от пространственного лифта, несмотря на то, что эти гады явно пытались его затереть каким-то дурным амулетом. Можем выдвигаться.

Судя по вытаращенным глазам супругов Вайтимиусов, такого они точно не ожидали.

— Прекрасно, — кивнул Дайд. — Шелтон, останешься здесь, примешь показания у этих красавчиков. Мы с Эриком перенесёмся за торговкой. Гай, вы с нами.

— А если там ловушка? — осторожно спросил Гай и почувствовал себя зелёным, как форма главного дознавателя, поймав его чуть ироничный взгляд.

— Не если, — фыркнул Гектор. — Ловушка там обязательно имеется. Посмотрим, что наши заговорщики могут мне предложить.

По вычисленным координатам пространственный лифт строил Эрик, а Дайд в это время давал Гаю наставления.

— Ты только со своей родовой магией никуда не лезь, — говорил главный дознаватель, бесстрастно глядя на собеседника. — Понимаю, что тебе проще использовать её, чем ждать, но в таком случае ты мне все улики уничтожишь. Только если поймёшь, что я не справляюсь, — тогда можно. Если будешь в сознании, конечно.

— И часто вы так рискуете? — не выдержал и поинтересовался Гай, но ответом его не удостоили. Да и времени не было — стены пространственного лифта засветились, и Дайд рядом сосредоточился, подобрался, как хищник перед прыжком.

И правильно сделал, поскольку, как только простран-

ственный лифт дезактивировался, со всех сторон к трём прибывшим хлынуло нечто, похожее на концентрированную ночную тьму. Гай, не будучи боевым магом, даже не успел сообразить, что это такое, как тьма рассеялась, обнажив серые стены незнакомой комнаты без мебели. Но ничего не закончилось — сразу после первой попытки убить их началась вторая, и на главного дознавателя с его спутниками полетели кинжалы, сотканные из чистой магии. Причём их было несколько видов — сначала огненные, потом ледяные, затем прозрачные, будто состоящие из ветра.

Гектор дезактивировал все. Причём без помощи защитного амулета — сам.

А вот следом за кинжалами их компанию настигло что-то такое интересное, что Гай даже растерялся. Он внезапно ощутил, как в помещении вдруг исчез весь воздух — дышать стало невозможно, сколько ни открывай рот или ни пытайся работать носом. Вокруг был вакуум.

Но и здесь Дайд не оплошал — поднял руку, сплетая заковыристую формулу, повернулся вокруг собственной оси — и получившееся заклинание, хлынув к стенам, впиталось в них, дезактивируя ловушку и позволяя наконец сделать вдох.

— Всё? — шёпотом поинтересовался Эрик, но Гектор покачал головой.

— Вряд ли. Старательные ребята, да? — Он хохотнул. — Но явно опасаются разоблачения.

— Почему вы так решили? — спросил Гай, и на этот раз получил ответ:

— Они не использовали беспроигрышных вариантов. То есть родовых ловушек пока не было. Штук десять таких ловушек на полную мощность и меня бы уничтожили, но где взять столько идиотов?

Гектор сделал шаг вперёд и хмыкнул, когда от стен к нему хлынула мелкая водяная взвесь. Судя по цвету, ядовитая. Мимолётное движение ладонью — рассеялась и она.

— Всё? — вновь выдохнул Эрик, и Дайд недовольно на него посмотрел.

— Когда будет всё, я тебе скажу.

Следующие несколько минут главный дознаватель поочерёдно уничтожал самые разнообразные ловушки, установленные по периметру комнаты, а Гай, стоя за его спиной, чувствовал себя беспомощным котёнком. Он знал, при помощи каких артефактов всё это сделано, и сам мог бы создать подобную смертоносную комнату, но соображать и деактивировать заклинания прежде, чем они достигнут цели, у него вряд ли получилось бы.

А вот у Дайда получалось. Причём он даже не запыхался, когда, уничтожив последнюю ловушку в виде ментальных чар, давящих на мозг, словно удар кулаком в лоб, громко возвестил:

— Вот теперь — всё.

В конце концов главный дознаватель оставил Эрика в комнате-ловушке — вытаскивать из стен дезактивированные артефакты, а с Гаем прошёл дальше, в соседнее помещение. Здесь ловушек не было — через дверь они вышли в самую обычную комнату, похожую на гостиную.

А на диване сидела та самая торговка с перерезанным горлом.

— Интересная у вас работа, — пробормотал Гай, передёрнув плечами, когда Гектор молча подошёл к трупу женщины и, наклонившись, принялся изучать рану на её шее. Даже пальцем потрогал.

— Не спорю, — откликнулся Дайд, выпрямившись, и заозирался по сторонам. — А, вот и нож валяется.

— Получается, мы не успели?

— Смотря что иметь в виду. Если спасти эту несчастную, которая явно участвовала в авантюре за большие деньги, то не успели. А если напасть на след заказчиков — то вполне.

— Вы уверены?

— Абсолютно, — кивнул Дайд и направился к двери, противоположной той, через которую они вошли. — Идёмте, Гай.

— Куда?

— Следом за нашим убийцей. — Гектор, опустив ладонь в нагрудный карман, достал оттуда медальон на цепочке и кинул его собеседнику. — Надевайте. Это артефакт на ментальной родовой магии императора. На пару часов вы стане-

те невидимым для окружающих. Точнее, они будут думать, что вас тут нет, так как стать невидимым физически невозможно.

— Понимаю, — ответил Гай, рассматривая тонкую цепочку и сам кулон из горного хрусталя. — А вы?

— У меня такой артефакт под кожей, — усмехнулся Гектор, а в следующую секунду просто исчез. — Надевайте, — послышался его голос ровно оттуда же, где Гай только что наблюдал главного дознавателя. — В таком случае вы будете видеть меня, тогда как остальные — нет.

— А предупредить Эрика не нужно?

— Я уже предупредил.

Гай не стал уточнять, когда Дайд успел это сделать, — так же, как не решился спрашивать, зачем главный дознаватель берёт с собой именно Гая, а не собственных сотрудников. Он хороший артефактор, но как боевой маг или даже сыщик не стоит и выеденного яйца.

За второй дверью обнаружилась небольшая тёмная прихожая, заканчивающаяся ещё одной дверью — уже наружу. И вот там, сойдя с крыльца, Гай и Дайд смогли прочитать название улицы и номер дома.

— Переулок Ткачей, дом 14, — пробормотал Гектор. — Окраина Новой Грааги. Не отставайте, Гай.

— А откуда вы знаете, куда ушёл человек, убивший торговку? Вновь по следам? — не смог не полюбопытствовать Гай, когда Дайд зачем-то зажёг в ладони крохотную искорку

света и, бросив её на землю, пошёл за ней, покатившейся по свежему снегу на манер клубочка.

— Это Новая Граага, следов тут гораздо больше, чем в районе Дворцовой набережной, разобраться в них не так-то просто. Дело в заклинании, которое я сейчас применил. В течение пятнадцати минут после смерти человека оно указывает на его убийцу. Вы же видели, как я касался раны, чтобы взять немного крови жертвы? Нам повезло: время ещё не вышло. Но скоро выйдет, если судить по тусклости огонька. Так что пошевелимся.

Гай понимающе кивнул, впечатлённый объяснением дознавателя, и поспешил следом по узкой улочке, полной прохожих несмотря на не самую приятную погоду.

Огонёк постепенно становился всё меньше, всё тусклее. Главный дознаватель мчался за ним, стараясь не сталкиваться с окружающими, и Гай бежал рядом. Он совсем не понимал, что здесь делает и почему Дайд предпочёл его компанию вызову подмоги, но не мог не признать: ему было интересно.

Гай словно внезапно попал в авантюрный роман-детектив, причём в роли персонажа, приближённого к главному, и это оказалось неожиданно очень захватывающе Он не представлял, успеют ли они с Гектором найти хоть что-то и если успеют, то что.

Успели.

По крайней мере, так решил Гай, заметив, как огонёк, ставший размером с песчинку, врезался в ворота одного из домов по переулку Ткачей и исчез.

— Что ж, и это неплохо, — пробормотал Дайд, останавливаясь. — Конкретную личность мы не догнали, но нашли здание, где эта личность скрывается. — Главный дознаватель развернулся лицом к Гаю, мгновение подумал, разглядывая его, прищурившись, и в итоге изрёк: — Пойдём туда сейчас.

Чего-то подобного Гай и ожидал, но не мог не заметить:

— Айл Дайд, я не охранитель, не боевой маг, и охранник из меня тоже никудышный. Сегодняшнее покушение на императрицу тому доказательство.

— У меня нет времени с вами спорить, — жестковато ответил главный дознаватель. — И ждать коллег тоже времени нет. Поэтому слушайте меня внимательно. Я сейчас накрою дом масштабным антипортальным заклинанием, но оно будет действовать не более двадцати минут. Сразу после того, как мы заблокируем нашим противникам возможность сбежать пространственными лифтами, заходим в здание. Ваша задача — нейтрализовывать всё, что вы увидите. Неважно, что это будет — боевое заклятье, летящее нам в морды, или какой-либо артефакт. Уничтожайте всё, не мешкая. Я со своей стороны буду задерживать заговорщиков, связывая их антимагическими чарами. Вы поняли? На вас — нейтрализация угроз, на мне — задержание. Всё просто.

— О да, очень просто, — хмыкнул Гай. Как ни странно,

страха он не ощущал, лишь странное воодушевление, похожее на лёгкое алкогольное опьянение. Или уже тяжёлое?

— Тогда заходим.

В дальнейшем Гай и Дайд не переговаривались до определённого момента, но каким-то образом умудрились отлично сработаться, понимая друг друга и без слов. Впрочем, Гай допускал, что это вовсе не его заслуга, а исключительно мастерство главного дознавателя, который хорошо представлял, кого именно берёт с собой на задание.

Родовым даром семейства Гая была нейтрализация магии. Любой артефакт, попав в его руки, по желанию Гая мог превратиться в кучу бесполезных элементов, на которых не оставалось ни одного следа иной магии, кроме разрушительной силы Араниусов. Это умение было очень нужно последователям принца Аарона — используя силу Гая, они могли залезть в любой, даже самый заковыристо защищённый сейф, убрать какую угодно ловушку (кроме той, что сделана на родовой магии императора), очистить от чар нужный артефакт, чтобы затем начинить его чем-то иным, необходимым уже самим заговорщикам, — в общем, умения Гая были уникальными. Однако они требовали мастерства, и потому Валлей так и не научилась управлять своим даром. А вот Гаю для того, чтобы нейтрализовать чужую магию, даже не нужно было её касаться. Он умел уничтожать нити силы на расстоянии.

И первым делом, получив приказ Дайда, Гай снёс с дома

абсолютно всю защиту, установленную по периметру здания. Сигнальные чары, предупреждающие о визите незваных гостей и разящие этих самых гостей молнией — не для того, чтобы убить, а чтобы отправить в беспамятство, — а если уж они не достигнут цели, то должны были активироваться заклинания, рассчитанные на убийство. Родовой огонь кого-то из аристократов…

Всё это исчезло ещё до того, как рука Дайда коснулась калитки. Особняк, стоявший перед ними, был мрачным и со стороны казался полузаброшенным — заваленный снегом двор с узкой дорожкой (будто тот, кто её расчищал, изрядно ленился), грязноватые окна, слегка покосившееся крыльцо. Дом был трёхэтажным, и до момента, когда Гай снял защиту, казалось, будто ни в одном из его окон не горит свет. Однако, как только чары растворились, выяснилось, что иллюминация внутри здания царит изрядная — свет был даже на чердаке.

— Набились паучки в банку, — усмехнулся Гектор и дёрнул на себя железную створку калитки.

Во дворе никаких сюрпризов не было. Конечно, если бы Гай не отключил защиту, их ждало бы много всего интересного, но не судьба. Гай с главным дознавателем беспрепятственно и очень быстро пересекли двор, поднялись на крыльцо, которое оказалось не таким уж шатким, как выглядело недавно до нейтрализации защиты — видимо, иллюзию она тоже поддерживала, — и Гай, приглядевшись, убрал с

двери запирающее заклинание. Даже немного жаль было это делать — заковыристая штука оказалась, мастер-артефактор намудрил. Внутрь попадали только те, с чьей кровью защита была знакома, и только если они называли какой-то пароль.

Трогать ручку и аккуратно открывать входную дверь Дайд не стал — выломал настолько мощным заклинанием, что полотно залетело внутрь с оглушительным грохотом и, кажется, кого-то придавило. Если Гаю, конечно, не послышался этот сдавленный вскрик, раздавшийся из здания.

В дом он шагнул первым, повинуясь краткому кивку дознавателя, и сразу же развеял три разных смертельных заклятья, полетевших в них с Дайдом с трёх сторон. Едва успел. Гектор, вошедший следом, махнул ладонью — и трое мужчин, атаковавших их чуть ранее, повалились на пол, связанные по рукам и ногам зелёным светящимся жгутом антимагических чар.

У противоположной стены обнаружилась дверь, из-под которой торчала чья-то нога. Дайд немного грубовато вытащил придавленного бедолагу и сразу же, не дожидаясь, пока тот придёт в себя, связал его. Затем развернулся — и в пустом дверном проёме появилась тонкая туманная дымка заклинания, препятствующая выходу из здания. Предусмотрительно — перенестись-то отсюда нельзя, но просто убежать пока можно. Чем, вероятно, сейчас и занимались оставшиеся заговорщики, если таковые здесь ещё имеются.

Оказалось, что имеются. На кухне, примыкающей к при-

хожей, обнаружились две перепуганные и бледные женщины, которые даже не стали оказывать сопротивление и покорно позволили себя связать.

Трое мужчин наверху были не столь сговорчивы и заставили Гая и Дайда попотеть. Укрывшись за углом, они швырялись заклинаниями почти без перерыва, и Гай аж слегка вспотел, пока их нейтрализовывал. К сожалению, его умения не позволяли забрать дар из самого человека, Гай мог уничтожить лишь внешнее проявление магии, поэтому пришлось ждать, когда противники выдохнутся или допустят ошибку. И только когда Дайд наконец связал всю троицу, он смог обследовать оставшиеся в доме помещения и убедиться, что там никого нет, а заодно обнаружил в подвале потайной ход и тут же сделал вывод:

— Нас намеренно отвлекали, пока руководитель убегал. Я сейчас вызову сюда коллег, а мы с вами, Гай, пойдём за ним.

— Он аристократ с огненной родовой магией, судя по защите, установленной на доме, — уточнил Гай, вспомнив нейтрализованные чары.

— Я знаю, — кивнул главный дознаватель. — И подозреваю, кто он такой. Надо спешить.

Больше не мешкая, Дайд и Гай полезли в узкий лаз потайного хода.

Здесь было ужасно. Темно, душно, грязно, холодно и мокро — в общем, как выразился Дайд, «все тридцать три удо-

вольствия в одном тоннеле». Гай постарался всё исправить за счёт магии — согрелся при помощи своей силы, запустил маленького светлячка, чтобы видеть, куда двигаться. Грязь благодаря поставленному щиту совсем не липла, но весьма сочно хлюпала под коленями и ладонями, пока Гай полз за главным дознавателем, и оттого казалось, что они в ней извазюкались уже с ног до головы.

— Не отставай, — буркнул Дайд, ускоряясь, и Гай, вздохнув, поинтересовался:

— И часто вы чем-то подобным занимаетесь?

— Поверь, это ещё не самое неприятное, — хохотнул Гектор. — Как-то раз один очень талантливый парень, профессиональный воришка, решил, что лучший способ скрыться от преследования дознавателей — это засесть в канализации, и не просто так, а забраться в самую гущу нечистот. Сделал себе трубочку, чтобы дышать, и нырнул.

— И как? — невольно заинтересовался Гай, и Дайд хмыкнул:

— Что — как? Ты представляешь, сколько в канализации ядовитых испарений? Там не трубочка была нужна, а серьёзная магия. Отравился парнишка, чуть не утонул. Неправда ли, очень романтичная смерть — захлебнуться дерьмом?

— Я бы так не сказал…

— Всё, молчим, — перебил его дознаватель. — Лаз расширяется. Я держу защиту, чтобы нас никто не увидел и не услышал, но лучше не рисковать.

Гай послушно примолк, споро двигаясь за Дайдом. И действительно через несколько секунд заметил то же, что и Гектор, — тоннель, по которому они ползли, стал стремительно увеличиваться, из узкого и тесного хода вскоре превратившись в траншею, достаточную для того, чтобы встать в полный рост.

Земляные стены, грязь под ногами, запах талого снега и чего-то, похожего на железо, — Гай, ощущая всё это, чувствовал себя дождевым червём. Он никогда не боялся замкнутых пространств, но сейчас, в этом тоннеле, ему было не по себе.

И ещё сильнее не по себе ему стало, когда Гай вдруг заметил под потолком метрах в десяти от себя и Дайда весьма однозначную ловушку-взрыв, настроенную на движение под ней. Тот, кто соорудил её, очевидно, хотел завалить ход, а заодно избавиться от погони.

— Дезактивируй, — скомандовал дознаватель, и Гай уничтожил чужую магию без следа.

— Хорошо, что я тебя с собой взял, — кивнул явно довольный Дайд. — Минуты две мне бы понадобилось, чтобы раскрутить плетение. Теперь должны догнать. Ускоримся.

Он почти побежал вперёд, и Гай последовал за ним.

Тоннель продолжил расширяться и вскоре превратился в целую пещеру — аккуратную, круглую. Её можно было бы принять за рукотворную, если бы не характерные сталактиты и сталагмиты, наполняющие пространство, — в полумра-

ке Гай сначала подумал, что это воткнутые зачем-то в пол и потолок копья.

— Расходится, — недовольно пробормотал Дайд, первым заметив, что из пещеры прочь ведут два других тоннеля, похожих сейчас на зловещие провалы пустых глазниц в черепе. — Что ж, ладно.

Гай хотел сказать, что знает заклинание, которое позволит определить, есть в тоннеле живое тепло или нет, но не успел — дознаватель подскочил к левому тоннелю и, внезапно словно вспыхнув родовой силой императора, послал в ход небольшую волну огня. Не обычного — родового.

Тьма в тоннеле на мгновение рассеялась, наполнившись ярко-оранжевым цветом пламени, а затем в глубине послышался чей-то сдавленный вскрик.

— Отлично, — подытожил Гектор. — Повезло.

И первым рванул вглубь тоннеля.

Аристократы кичатся своей родовой силой, считая её универсальным, уникальным оружием против нетитулованных, ведь родовой магии можно противопоставить лишь что-то тождественное. Однако Гай, последнюю неделю общаясь с Роном, убедился в том, что зря они так считают.

И его убеждения крепли, когда Гай смотрел на то, как Дайд, улыбаясь хищной улыбкой безумного дознавателя, уклоняется от родового огня, которым принялся пуляться преследуемый. Да, часть огненных вспышек загасил Гай, но

они были столь быстры и хаотичны, что его умений слегка не хватило — и если бы не поистине змеиная ловкость Гектора, который не потратил ни капли силы, но умудрился не подставиться под огонь, дознавателю пришлось бы несладко. Заговорщик на мелочи не разменивался, и его пламя, в отличие от пламени, пущенного Дайдом, чтобы лишь приостановить, ранить, — убивало. И хорошо, что не попало ни в кого.

Через пару минут их быстрого бега тоннель вновь расширился до пещеры раза в два меньше, чем предыдущая. Слева Гай краем глаза заметил подземное озеро, тёмно-синее, почти чёрное, а вот справа обнаружился лаз наружу. К нему была привязана верёвочная лестница, и по ней в ту секунду, когда они с Гектором выбежали из тоннеля, карабкался, подволакивая обожжённую ногу, какой-то седовласый мужчина.

Заметив Дайда, он неприятно, каркающе вскрикнул и выпустил навстречу главному дознавателю такую мощную стену из пламени, что Гай непроизвольно охнул, развеивая её. Перед глазами моментально стало темно, руки задрожали, и Гай едва не осел на землю, чувствуя жуткое опустошение.

Это ж надо было потратить столько энергии на подобную защиту! Гай исчерпал всю родовую магию, нейтрализуя её. Неужели их противник до сих пор в обморок не свалился?

Превозмогая собственное желание рухнуть, Гай посмотрел в сторону верёвочной лестницы и обнаружил, что мужчина уже не карабкается вверх, а лежит на каменном полу и постанывает, держась за голову. Из его носа бодро текла

кровь, пачкая белую рубашку.

Значит, тоже выдохся, израсходовав всё на последнюю вспышку, пытаясь скрыться.

— Доброго вечерочка вам, архимагистр, — насмешливо протянул Дайд, подходя к скорчившемуся на земле мужчине, и связал его антимагическим заклинанием. — Решили поиграть в земляного червя?

— Заткнись, Дайд, — прошипел мужчина, распахнув глаза, и посмотрел на дознавателя со злобой. — Не представляю, как ты смог меня догнать, но теперь хотя бы не глумись!

— Ну что вы, архимагистр, и в мыслях не было. Как же я могу глумиться над вами, уважаемым охранителем?

— Вот именно! — вспылил собеседник Дайда. — Я — один из лучших охранителей в истории, мой позывной «Феникс» известен каждому студенту! Я просил Арена пощадить мою единственную дочь, уважить мои заслуги перед империей, а он даже слушать не захотел!

— Альфред, — внезапно уже не насмешливым, а очень серьёзным голосом сказал Гектор, — ваша дочь участвовала в вербовке ваших же коллег. Вы же видели материалы дела. Шантаж, подделка артефактов, прослушивание.

— Но она ведь никого не убила! — почти взвыл названный Альфредом. — Единственный мой ребёнок…

Мужчина разрыдался, и Дайд, тяжело вздохнув, кинул в него усыпляющим заклинанием. Тот сразу умолк и сонно засопел.

— Вы знаете этого человека, да? — уточнил Гай, и дознаватель кивнул.

— Альфред Бейриус, был лоялен к императору, поддерживал его закон — до тех пор, пока не выяснилось, что дочь Альфреда замешана в заговоре по самые уши. Император ещё не всё разрешил ему рассказывать, пощадил старика. Позволил думать, что Белла была простым вербовщиком.

— А на самом деле?..

— А на самом деле она была одним из ликвидаторов, — криво усмехнулся Дайд. — Занималась уничтожением неугодных, по приказу Аарона. Весьма идейная была женщина. Зря император Альфреду не рассказал, но это для него типично.

— Для кого? — не понял Гай и чуть на самом деле не упал, услышав от Гектора весьма откровенное, сказанное то ли с любовью, то ли с досадой:

— Для Арена. Вечно он жалеет всех, кроме себя.

Не менее впечатляющим, чем уничтожение ловушек в том доме, куда они перенеслись после посещения особняка Вайтимиусов, оказалось для Гая дальнейшее поведение Дайда. Гай ведь даже не задумывался о том, как они с главным дознавателем будут выбираться из этого каменного мешка, ещё и транспортируют с собой захваченного заговорщика. А вот у Гектора подобная проблема не вызвала затруднений — он просто подхватил задержанного заклинанием левитации и,

подпрыгнув, уцепился за верёвочную лестницу.

— Я наверх. Вы — за мной, Гай.

— Уверены? — уточнил артефактор осторожно, и дознаватель, усмехнувшись, кивнул.

— Абсолютно. Судя по координатам на браслете связи, мы находимся недалеко от Граага, и с поверхности можно будет построить пространственный лифт. Здесь такая возможность заблокирована, и сейчас нет времени искать запирающие амулеты.

— Думаете, наверху нет ловушки?

— Скорее всего, нет. Но если есть, мне придётся ещё немного потрудиться.

Дайд споро принялся карабкаться наверх, а рядом с ним по воздуху плыл бесчувственный Альфред Бейриус. И Гай, заметив, насколько старик бледен — да и кровь лилась у него из носа почти не останавливаясь, — неожиданно понял, что дознаватель говорил «нет времени» вовсе не потому, что ожидал нового нападения или подмоги для заговорщика. Нет, кажется, Дайд опасался, что Бейриус просто-напросто скончается.

И насчёт ловушки он оказался прав — наверху было пусто. Только заснеженный лес, почти невидный в вечерней полутьме, тёмно-синий бархат неба с редкими точками звёзд и хрустящий, леденящий даже душу мороз. И спастись от него было нельзя — вместе с родовой силой всегда расходовалась и обычная магия, а у Гая её сейчас совсем не имелось.

Он ощущал свой энергетический контур пустым и звенящим до боли — неуютное чувство.

— Отлично, — кивнул Дайд, выбираясь наружу. Поёжился, явно прогоняя холод, а затем согрел заклинанием и Гая, и глухо застонавшего Альфреда. — Я сейчас отправлюсь пространственным лифтом в комитет, а вы можете переноситься во дворец и отдыхать. На днях пригласим вас для дачи показаний. Или сами придём — тут уж как получится.

Гай удивлённо поднял брови. Он как-то не ожидал, что после случившегося его в итоге турнут обратно во дворец. Хотя, наверное, это справедливо — всё-таки он охранник императрицы, а не дознаватель. Да и восстановить силы следовало бы.

Однако почему-то было слегка обидно. Возможно, потому что у Гая по-прежнему имелся миллион вопросов.

— Как думаете, если бы с императрицей сегодня был другой охранник, он бы предотвратил покушение? — всё-таки не выдержал и выпалил он самый насущный из них, и даже в неярком свете запущенного Гектором светлячка заметил ироничную усмешку главного дознавателя.

— Каким образом? Её величеству не запрещено есть на улице. Она не беззащитный ребёнок, у неё с собой множество амулетов, в том числе вживлённых. Они не отреагировали на опасность, потому что их создатели не прописывали в формуле подобную угрозу. Никто не ожидал, что взрыв будет происходить внутри тела императрицы.

— Но, может, мне следовало сначала разломить пирожок самому?

— Думаете, её величество после такого действа стала бы его есть? — скептически протянул Дайд. — Не морочьтесь, Гай. Вы не сможете предусмотреть всего. Лучше подумайте вот о чём: я профессионал, оберегать императора — моя работа. Однако его несколько раз едва не убили.

— Так не убили же.

— Но и Виктория жива, — напомнил дознаватель и продолжил чуть более мягким тоном, который с учётом его слегка скрипучего голоса звучал немного странно: — Возвращайтесь во дворец, Гай. Отдохните и поужинайте нормально. На сегодня для вас всё закончилось.

Сразу после этого Дайд построил пространственный лифт для себя и Бейриуса и исчез в ослепительном свете.

*

Дорогие читатели, спасибо всем, кто продолжает наблюдать за Вик!

Не забывайте ставить звёздочки в карточке книги, где аннотация, помогите вашему автору подняться повыше со своим неспешным фэнтези :)

Глава вторая

Когда Виктория проснулась в следующий раз, комнату заливало мягким рассветным светом.

Она с наслаждением потянулась, чувствуя приятную расслабленность в мышцах и множество сил — давненько так не высыпалась! Неужели вчера легла пораньше?

Мгновение в голове было гулко и пусто, а затем воспоминания вернулись, и Виктория, вздохнув, поморщилась, садясь на постели. Поглядела на дивно оранжевое небо с белыми росчерками облаков и медленно встала с кровати, чтобы подойти к окну и посмотреть вниз — туда, где раскинулась утренняя Граага и виднелся краешек леса.

Красиво. И настолько умиротворяюще, что Виктория както сразу успокоилась и перестала сердиться на мужа, который устроил ей такое приключение.

Никаких последствий вчерашнего покушения она не ощущала. Даже слабости не было, наоборот — Виктории сейчас казалось, что она выпила бодрящее зелье. Только есть очень хотелось, просто до невозможности. Но прежде всё-таки надо было наведаться в ванную, чем Виктория и занялась, решив не рассуждать лишний раз о том, зачем Арену всё это понадобилось. Раз отпустил её вместе с Вистаном — значит, резон был. И какой именно, он сам потом объяснит, если захочет.

Умывшись и быстро облачившись в домашнее платье, Виктория через браслет связи попросила у дежурной на сегодня служанки завтрак. Она обычно не передавала так приказы — чаще обращалась к охранникам, а те уже распоряжались согласно её требованиям. Причина была проста: если Виктория звала служанок без ведома охраны, на входе в покои их тормозили, всё равно приходилось объясняться. А так сразу понятно, какой приказ исполняют слуги.

Но сегодня Виктория хотела как можно дольше не общаться со стражниками. Хотя Гая почти наверняка нет на посту — ещё слишком рано, — но как только он придёт и поймёт, что императрица встала, явится сюда.

Она сама не могла понять, почему не желает его видеть. Неужели потому что не спас? Нет, глупости. Никто бы не справился. Все амулеты Виктории были настроены на физическое воздействие извне и блокировали бы взрыв, если бы пирожок разлетелся в пальцах императрицы, но он вспыхнул у неё во рту! Такого никто предусмотреть не мог. Какой извращённый мозг это придумал? И ради чего? Убивать её — сущая нелепость.

Арен, конечно, расстроится, и сильно, но переживёт. А потом, возможно, даже вздохнёт с облегчением…

Виктория заскрипела зубами в досаде на себя. Нет, нельзя так думать, нельзя! И не только потому что сплошное расстройство от подобных мыслей, но и потому что это неправда. Арен не тот человек, который стал бы радоваться смерти

жены, пусть и нелюбимой. Тем более что у них дети.

Но заговорщики, видимо, ничего не знают об их отношениях. Или покушение — попытка помешать разработкам отдела по изучению родовой магии? Там ведь и Вистан пострадал…

Мысли Виктории прервал стук в дверь, она выкрикнула позволение войти, а следом в приоткрывшийся проём проскользнула тонкая фигурка девушки в тёмно-синем платье и белом переднике, с подносом в руках. Однако дверь за ней не закрылась, как ожидала Виктория, а раскрылась шире…

И в гостиную шагнул мрачный Гай.

***

С возвращением во дворец получилось забавно.

На пару минут Гай успел озадачиться сложной проблемой под названием «Как построить пространственный лифт, потратив незадолго до этого всю магию до капли», а потом на заснеженную поляну вновь перенёсся хмурый Дайд.

— Забыл, — буркнул дознаватель, шагая навстречу Гаю. — Хорошо, что вспомнил, а то тебе пришлось бы несладко. Вообще надо будет поставить перед артефакторами задачу, чтобы вшили в твой амулет экстренную капсулу.

— А что это такое? — с интересом спросил Гай, наблюдая за тем, как главный дознаватель вновь строит лифт.

— Экстренная капсула? — слегка рассеянно уточнил

Дайд. — Часть вживлённого защитного амулета. Содержит в себе определённое количество энергии, необходимое для построения пространственного лифта. Активируется ментальным приказом в случае необходимости. Заменять не надо — такая капсула заполняется в дальнейшем силой мага. Будь ты сотрудником первого отдела, мне не нужно было бы возвращаться за тобой сейчас.

— Удобно, — признал Гай. — Хотя я бы предпочёл обойтись вообще без подобных амулетов.

— Поздно, — хрипло хохотнул Дайд, небрежным движением руки вписывая в формулу константу перемещения. — Ты работаешь на императора, без вживлённых амулетов теперь никак.

Гаю было очень любопытно задать Гектору вопросы по поводу собственных амулетов главного дознавателя — потому что в погоне за Бейриусом Дайд несколько раз использовал родовую магию императора. Гай знал, как сделать артефакты, которые позволяют применять чужую родовую силу, но только в теории. Сам он подобными вещами не занимался, однако хотел бы посмотреть на формулу.

Впрочем, даже учитывая мастерство артефактора, создавшего амулеты для Дайда, не стоило умалять заслуг самого главного дознавателя. Далеко не каждый маг смог бы вот так использовать чужую силу, словно свою.

Лифт между тем истаял, и Гай с облегчением понял, что оказался в одном из залов для пространственных переносов

во дворце. Дежурные стражники, заметив Гектора, вскочили, чтобы с почтением отдать честь и вытянуться в струнку, будто ожидая приказаний.

— До встречи, — попрощался с Гаем Дайд и, неожиданно слегка устало вздохнув, обратился к одному из охранников: — Рой, будь добр, построй-ка для меня лифт в комитет.

— Конечно, айл Дайд, — кивнул тот, с кем разговаривал дознаватель, подошёл ближе и сделал всё, как было велено.

А Гай отправился прочь из зала, чувствуя одновременно три сильнейших желания — и сразу было понятно, какое из них преобладает.

Он ужасно хотел есть, но это могло подождать.

Он безумно хотел спать, но и это не было главным.

Главным всё же было узнать, в каком состоянии находится императрица, что он и сделал, добравшись до покоев Виктории и расспросив её стражников. Многого они не знали, конечно, — только краткий вердикт Тадеуша Родери, личного врача их величеств.

«Всё будет хорошо», — сказал он, выходя из комнат императрицы, и Гай, услышав это, вздохнул с облегчением.

Вот теперь можно было и поужинать, а затем отправляться спать. Главное, что Виктория выздоровеет, а с остальным он разберётся завтра.

Поспать Гаю толком не дали. Ему показалось, что только он успел закрыть глаза и задремать, как тут же кто-то осто-

рожно коснулся рукой его плеча.

— Гай, вставайте, — раздался рядом тихий женский голос. — Вас вызывает император.

От этой фразы Гай тут же подскочил на постели, вытаращив глаза, и в упор уставился на полусонную, но одетую и причёсанную Софию. Даже интересно: она давно поднялась или просто не ложилась? Но спрашивать Гай не стал, просто взглянул на браслет связи и вздохнул: полпятого утра.

— Его величество поручил мне проводить вас, — продолжала София так же негромко, а затем отошла в сторону, отвернувшись. — Одевайтесь.

— Почему он попросил вас, а не кого-то из охраны? — пробурчал Гай, поднимаясь с постели. Спать ещё хотелось, но он почти физически ощущал, как сон убегает от него, будто перепуганный заяц от волка. И неудивительно: каждая встреча с императором как прыжок в огонь.

— Так будет быстрее, — кратко ответила София, и Гай, больше не медля, принялся натягивать одежду. В ванную тоже заглянул — не мог позволить себе появиться перед Ареном неумытым, — но сделал всё стремительно, как будто торопился пойти в атаку на поле боя.

Когда он вышел из ванной, София всё так же стояла у окна и молча смотрела за стекло, где ещё не было ни намёка на рассвет — лишь полнейшая темнота и неясные очертания облаков в тёмном небе.

Гай только в этот момент заметил, что аньян не стала за-

жигать обычное освещение, лишь запустила в воздух небольшой неяркий светлячок. И он парил рядом с ней, освещая рыжие волосы девушки, которые сейчас казались частью пламени камина.

— Готовы? — услышав шаги Гая, София обернулась. — Тогда идёмте.

Она протянула ему руку, и он, приняв ладонь, зачем-то поинтересовался:

— Вас не тяготит собственное положение? Не противно?

София улыбнулась — мягко, понимающе и настолько беззащитно, что Гаю на секунду стало стыдно за себя и заодно за Арена, который лишил хорошую девушку возможности завести семью.

— Разрешите мне не отвечать, — произнесла София спокойно, делая шаг к камину, и потянула за собой Гая. — Вы поймёте потом сами. Или не поймёте. Как уж распорядится судьба. Закрывайте глаза.

Ощутив непонятную досаду из-за того, что София не хочет пояснить свои мотивы, Гай выполнил её просьбу и через пару мгновений ощутил, как всё его тело погрузилось в щекочущий и приятно тёплый, даже почти горячий огонь. Под веки проник оранжевый отсвет, и Гай сильнее зажмурился. София положила его ладонь себе на талию, попросив не убирать, и принялась строить пространственный лифт — Гай всем телом чувствовал движения её гибких рук.

Рывок, треск, более яркий отблеск, забравшийся под рес-

ницы несмотря на старания Гая, и София, перехватив его ладонь, устремилась вперёд.

— Перешагивайте: решётка, — уточнила аньян, и Гай послушно переступил через препятствие. — Теперь можете открывать глаза.

Он медленно поднял веки, чуть не зажмурился опять — глаза саднило, они слезились, и Гай с трудом разобрал очертания помещения, в которое попал.

Кажется, это был рабочий кабинет императора. Книжные шкафы, стол, заваленный бумагами, у окна; диваны и кресла, низкий столик — в центре комнаты. На нём стояло несколько больших чашек, исходящих паром, а на диванах напротив друг друга располагались император и Гектор Дайд.

— Проходите, садитесь, Гай, — твёрдо и бесстрастно велел Арен, и точно таким же тоном обратился к Софии: — Иди отдыхай, Софи.

Она, не переча, кивнула и, развернувшись, вновь вошла в камин, а Гай, беззвучно вздохнув, направился к одному из пустых кресел, ближе к главному дознавателю.

— Будешь чай? — невозмутимо поинтересовался Дайд, хватая длинными белыми пальцами одну из чашек. — Я попросил принести и на твою долю, так что не стесняйся.

Гай кивнул и, наклонившись, взял чашку, которая стояла к нему ближе всего. Сделал глоток и сразу после этого услышал:

— Рассказывай всё по порядку, — сказал Дайд, обманчи-

во расслабленно откидываясь на спинку дивана. — Совместим твои показания с моим отчётом его величеству.

Больше Гектор ничего не сказал, но Гай всё понял и без лишних объяснений. Во-первых, в отличие от него, дознаватель всю ночь не спал, а сейчас явился к императору, чтобы рассказать о ходе расследования. А во-вторых, следовало думать, что говоришь: Дайд точно использует артефакт для записи, раз упомянул дачу показаний.

И Гай, сделав ещё пару глотков, приступил к рассказу. Говорил медленно, припоминая каждую деталь, не глядя на императора, который молча слушал, так же, как и дознаватель, не выпуская чашку из рук.

— У меня вопросы, — произнёс Арен, как только Гай завершил повествование о вчерашних злоключениях. — Откуда Бейриус со своей шайкой узнали, что Виктория и Вистан будут гулять именно по Дворцовой набережной? Её секретарь донёс?

— Нет, парень ни при чём, — качнул головой главный дознаватель. — Да и не смог бы он из-за ментального запрета. Сам Вистан опростоволосился. Сообщение от секретаря Виктории пришло ему на браслет, когда он нежился в постели с Арьей Витайлиус — своей коллегой и сотрудницей отдела по изучению родовой магии, — и Болдиус не удержался от хвастовства.

— Значит, Арья. И как давно она примкнула к соратникам Альфреда?

— Давненько. В столицу напросилась именно поэтому, по этой же причине и в постель к Болдиусу запрыгнула. Но он не так чтобы очень возражал, конечно. У Арьи казнили любимую бабушку и двоюродного брата, которого она с детства обожала.

Император тяжко вздохнул, поглядев почему-то на потолок.

— У всех кого-то казнили. В Альганне с недавних пор не осталось ни одного аристократа, чьих родственников так или иначе не затронуло бы участие в заговоре моего брата. Так что ты можешь не уточнять, в чём конкретно я виноват. И так понятно.

Гай спрятал улыбку в чашке. А потом поймал себя на неожиданной мысли: это был первый раз, когда он увидел в Арене не бесстрастное ледяное существо с огненной родовой магией, а человека. Смертельно уставшего, привыкшего к вечным проблемам, слегка ироничного — потому что, если не иронизировать, можно сойти с ума.

— Я понял, ваше величество, — кивнул Дайд, и уголки его губ тоже слегка растянулись в улыбке. — Арья передала информацию посреднику, а тот доложил Бейриусу. Альфред мигом собрался и всё устроил — нашли чету Вайтимиусов, которые любезно предоставили свой дом для переноса, подкупили торговку. Обычная женщина без дара, она понятия не имела, во что ввязывается. И благодаря ей, кстати, покушение и было предотвращено.

— Как это? — вырвалось у Гая удивлённое, но, судя по взгляду, император тоже не понимал.

— Отравлен был лишь один пирожок каждого вида, — пояснил Дайд с кривой ухмылкой. — Торговку в нужное время выпустили из дома, наказали продавать пирожки. Прослушивали при помощи браслета. Сказали, какие из пирожков нужно будет продать, специально отложили их в сторону. В нужный момент подали сигнал — браслет торговки нагрелся. И если бы её заранее предупредили, что пирожки с сюрпризом предназначены только женщине, скорее всего, императрица не выжила бы. Однако ничего такого не говорили во избежание сопротивления — тогда торговка, чего доброго, заподозрила бы покушение на её величество.

— А так она не заподозрила? — с откровенно ядовитой иронией протянул император. — Гектор, что за бред? Это же очевидно.

— Для вас — да. Но не для торговки. Ей сказали, что это безобидный розыгрыш. Да и не могла она представить, что находится внутри обычных пирожков. И продала отложенную выпечку не только императрице, но и Вистану. Болдиус откусил первым, благодаря чему смог почувствовать взрывные элементы, потушил вспышку внутри себя, выплюнул и кинулся на помощь её величеству.

И тут Гай не выдержал.

— А он точно не замешан?

После этой фразы император и главный дознаватель одно-

временно на него посмотрели. Только Арен — бесстрастно, а Гектор — будто бы даже с симпатией.

— Болдиус чуть не сдох, — грубовато, но откровенно ответил Дайд, делая очередной глоток из чашки. — Думаешь, можно рисковать настолько сильно? Врачи Императорского госпиталя сказали мне, что ещё полминуты — и мы получили бы труп. Болдиус находился на грани.

— Я не знаю, — не менее откровенно откликнулся Гай. — Ты дознаватель, а не я. Ты мне скажи, можно или нет.

Гектор усмехнулся, а император и вовсе откровенно рассмеялся, заставив Гая оторопеть.

Нет, конечно, он понимал, что его величество — живой человек, а вовсе не бездушная машина для принятия решений государственной важности. И тем не менее слышать, как Арен смеётся, превращаясь из ледяной скульптуры в обычного мужчину, оказалось неожиданно.

— Что молчишь, Гектор? — продолжая посмеиваться, обратился император к главному дознавателю. — Гай абсолютно прав. Думать и делать выводы должен ты, а вовсе не мы.

— Нечего мне сказать, ваше величество, — развёл руками Дайд. — Все опрошенные, в том числе Бейриус, участие Вистана опровергают. Более того, Арья весьма откровенно высказалась, что Болдиус никогда и никому не дал бы возможность командовать собой, кроме венценосного семейства, — слишком самолюбив и тщеславен.

Гай был полностью согласен с этим утверждением, и всё

равно его что-то цепляло. Что-то неуловимое… то, что, наверное, понимал Гектор, но не спешил высказываться.

— Однако существует также вероятность обратного варианта, — продолжал между тем Дайд, и император уточнил:

— Ты про что?

— Сейчас всё выглядит так, будто организация Бейриуса использовала слишком болтливого и гордого артефактора из Корты, который похвастался любовнице, что пойдёт гулять с её величеством. Но возможно, всё как раз наоборот, и это именно Вистан скормил Арье нужную информацию, дабы спровоцировать нападение и сблизиться с императрицей. Просто он не рассчитывал, что покушение окажется настолько серьёзным. Как считаешь, Гай, похоже это на него?

— Вполне, — кивнул Гай. — Если он узнал, что Арья поставляет заговорщикам сведения, мог использовать этот факт для собственных целей. Правда, я всё ещё затрудняюсь предположить, для чего ему сближение с императрицей.

— Из вас неважный карьерист, Гай, — вмешался император, но без иронии, да и голос его звучал совсем не холодно — скорее дружелюбно. — Иначе вы хорошо понимали бы, сколь большие возможности откроются перед Болдиусом, если он останется заместителем Виктории, при этом будучи одновременно её любовником.

— А попасть под ваш гнев он не опасается?

Гай действительно не понимал. Он никогда не стал бы ухаживать за замужней женщиной — если бы не приказ импе-

ратора, разумеется. Но дело было не только в этом.

Гай всегда не желал иметь ничего общего с Альго. Он считал, что это слишком опасно. И двигать свою карьеру при помощи постельных связей с императрицей… С пьедестала, на который поднимешься, может оказаться больно падать.

— Аарон постарался сделать из моей личной жизни всеобщее достояние, как и из характера Виктории, какой она была до снятия проклятья, — с лёгкой, почти неуловимой горечью отозвался император. — В империи только ленивый не знает, что между нами всё плохо. Кроме того, не забывайте, что люди всегда судят по себе. Вистан не утруждал себя верностью своим любовницам, думаю, он не сомневается, что я делаю то же самое. Да и Викторию считает похожей на вашу почившую супругу, Гай.

— Чем? — изумился артефактор. — Ничего общего.

— С твоей точки зрения — да, — сказал Дайд, пока император допивал чай. — Вистан рассуждает иначе. Обе женщины не поддерживают мужа. Обе были связаны с Аароном. Логично, если у обеих будет один и тот же любовник.

Гай закашлялся, император усмехнулся, а вот Гектору всё было нипочём — он продолжал рассуждать:

— Вполне в характере Болдиуса, как я понял, переоценивать свои силы. Он подкинул Арье дровишек, но не ожидал, что костёр, который разведут заговорщики, будет настолько сильным. Впрочем, вполне возможно, что Вистан ничего не подозревал и всё это — случайности.

— Ты в это веришь? — с сомнением протянул Гай, и Гектор пожал плечами.

— Я в принципе не слишком верю в случайности. Чаще всего то, что мы называем случайностью, результат закономерности. В любом случае… — Дайд посмотрел на императора, и тот кивнул, будто разрешая разгласить информацию, — Тайра некоторое время назад сказала, что Вистан может стать ключом к раскрытию серьёзного заговора, который принесёт огромное количество проблем, если не пресечь попытку с самого начала. Но ключ — не значит участник.

— Заговор Бейриуса мог принести большие проблемы?

— Я думаю, что речь шла о другом заговоре, — уточнил император. — И скоро мы поймём, прав я или нет.

Когда Гай вышел из кабинета его величества, идти спать уже не было времени, несмотря на усталость в мышцах, а есть не хотелось — слишком уж много чая он выпил, обсуждая произошедшее.

По словам Дайда, все участники заговора, который возглавлял Альфред Бейриус, были арестованы за ночь. Правда, при этом главный дознаватель уточнял, что это не конец — подобные «мстители» в будущем могут возникать ещё, и в ближайшее время у комитета безопасности прибавится работы. Аристократия была раздражена, и их пока не останавливал даже тот факт, что у Берта и Эн Арманиусов родился

ребёнок с родовой магией. Не всех этот момент в принципе волновал, большинство руководствовалось рассуждениями попроще.

Арен на троне многих пугал. Он правил почти десять лет, и за это время Альганна умудрилась измениться до неузнаваемости, а в последний год маятник изменений качался с угрожающей скоростью. Именно поэтому даже те аристократы, которые изначально были за закон о передаче титулов, при должной обработке начинали сомневаться. Не торопится ли Арен? Не будет ли лучше, если управление страной возьмёт на себя другой Альго? Предугадать, какой именно, невозможно — всё зависит от выбора Венца, родового артефакта, на который нельзя было повлиять, — но любой Альго лучше, чем Арен. В остальных нет такой резкости и непримиримости, страстного желания изменить мир.

От всех этих противоречий у Гая болела голова. Он даже задал Гектору вопрос, кончится ли подобное когда-нибудь? Успокоятся ли окружающие, смирятся ли с тем, что устройство общества должно поменяться? На что получил скептическую усмешку и равнодушное пожатие плечами. Дайду явно было нечего сказать, но он сомневался в возможности смирения. Аристократии, привыкшей, что они на первом месте и получают все возможные и невозможные привилегии, хотелось повлиять если не на всё, то хотя бы на что-нибудь. Пусть на троне будет не Арен — уже легче! А заговор Альфреда Бейриуса с целью убить императрицу — всего

лишь первая ласточка.

Шагая к покоям её величества, Гай всё сильнее понимал, что увяз в происходящем по самые уши, и по-хорошему, как только он сделает необходимое императору открытие, нужно убираться из столицы подальше. Хватать в охапку Валлей и Тею и переезжать, и не в Корту, а в другой город, где его никто не знает. Вот только вряд ли ему позволят… Да он и сам не сможет.

Гай не представлял, как у императора это получилось, но почему-то после сегодняшнего недолгого разговора с совместным чаепитием ему впервые захотелось помочь Арену. Без обязательств, не потому что контракт или обещание, а просто так. Хотя император ничего особенного не говорил, не намекал, не просил и вообще вёл себя отстранённо, пусть и теплее, чем обычно, но это можно было списать на присутствие Дайда.

Однако что-то всё-таки было, раз Гай теперь отлично понимал, отчего вокруг его величества столько преданных людей, которые были готовы служить империи вовсе не за жалованье, а потому что выбрали себе такую судьбу.

Может, и он когда-нибудь выберет? Кто знает…

Стоящие возле двери в покои Виктории охранники сдержанно, но радостно улыбались, и Гаю сразу стало легче, тревоги почти ушли. Если у его нынешних коллег такие лица — значит, с императрицей всё в порядке.

— Как дела? — поинтересовался он у старшего в отряде, уже знакомого стражника по имени Нейл. — Как её величество?

— Попросила принести ранний завтрак, — ответил Нейл, и его улыбка стала чуть шире. — Тадеуш предупреждал, что, если восстановление пройдёт успешно, так и будет и ждать официального завтрака её величество не сможет — ей нужны силы сейчас.

В этот момент сбоку, из узкой двери, предназначавшейся для слуг, вышла девушка в синем строгом платьем с белым передником и с волосами, аккуратно убранными под чепец. В руках она держала поднос, накрытый полупрозрачной крышкой, и Нейл, быстро проведя над крышкой специальным артефактом для обнаружения отравляющих или взрывчатых веществ, распахнул дверь в покои императрицы. Девушка вошла внутрь, а следом за ней, не спрашивая ни у кого разрешения, шагнул Гай.

В конце концов, если Виктория не захочет его видеть, она об этом скажет. Выгонит. Но сам по себе Гай не мог удержаться — настолько ему хотелось убедиться, что с ней всё хорошо.

И он убедился, внимательно поглядев на тонкую фигуру императрицы в светло-голубом домашнем платье. Без макияжа и прочих украшательств Виктория выглядела очень юной и немного беззащитной, однако бледной или уставшей не была — наоборот, с первого же взгляда производила впе-

чатление человека, полного энергии.

— Ставьте поднос на столик, Мила, — слегка удивлённо посмотрев на Гая, произнесла Виктория, и служанка быстро сделала, как было велено, а затем столь же бесшумно и почти незаметно вышла из гостиной.

Сразу после этого Гай сказал, подходя ближе к императрице:

— Прости за вчерашнее.

— Ты-то здесь при чём? — она вздохнула, не обратив никакого внимания, что перешла на менее формальное общение. — Всё это устроил Арен. И поверь, вряд ли наше вчерашнее приключение будет последним. Если он посчитает, что польза для страны больше, чем риск, поступит так же и в следующий раз.

Гай чуть склонил голову, изучая спокойное лицо Виктории.

— Ты злишься на мужа?

— Никоим образом, — ответила она честно, усмехнувшись. — Я всего лишь констатирую факт. Чтобы жить без лишних треволнений, нужно смотреть правде в глаза. Арен — человек долга. Когда-то он даже был готов отказаться от Софии в ущерб себе.

Развернувшись, Виктория опустилась в кресло перед столиком со стоящим на нём подносом, подняла крышку и блаженно вздохнула.

— Прекрасно! То, что я хотела. Кофе и лёгкий омлет.

Она с энтузиазмом положила на колени салфетку, взялась за приборы, а Гай, поколебавшись пару мгновений, всё-таки опустился в кресло напротив, каждую секунду ожидая, что Виктория скажет: «А ты что здесь делаешь? Еды для тебя я не заказала, пошёл вон».

Конечно, императрица никогда не позволила бы себе быть столь грубой. Она выразилась бы иначе, но с тем же смыслом.

— А что было дальше? — поинтересовался Гай, когда Виктория, прикрыв глаза от удовольствия, аккуратно сняла губами с вилки маленький кусочек омлета. — Его величество передумал?

— Нет. Я же сказала: Арен был готов отказаться от Софии. Но я — не готова.

Она говорила с прохладной невозмутимостью, как человек, который давно пережил вышеупомянутые события. А у Гая в голове не укладывалось…

— То есть…

— То есть я оказалась не готова к тому, чтобы Арен жертвовал собой ради страны и долга, — перебила его Виктория, делая глоток кофе. — Что ты смотришь на меня столь удивлённо, Гай? Что тебя так поражает?

— Ты, получается, отказалась от собственного счастья? — пробормотал он, а Виктория неожиданно тихо рассмеялась, качая головой.

— Защитница! С чего ты взял, что я была бы счастлива? Счастье ведь состоит не в формальном соблюдении прили-

чий, и уж тем более не в самопожертвовании. Как можно радоваться тому, что твой близкий человек отказался в угоду долгу от того, кто был ему нужен больше, чем воздух? Нет, наверное, как-то можно радоваться, если жить только ради себя и быть абсолютной эгоисткой. Но у меня не получилось.

Она вновь наколола на вилку кусочек омлета, а Гай зачем-то ляпнул:

— Получается, что ты любила императора больше, чем он тебя. Раз не смогла принять его жертву, а он твою — да.

В ответном взгляде было столько раздражения, что Гай немедленно пожалел о своей откровенности.

— Больше, меньше… — закатила глаза Виктория, вздохнув. — Мы в песочнице меряемся длиной совочков? Ты меня плохо слушал, впрочем, не уверена, что, даже если бы слушал, понял бы. Арен отказывался ради долга от своего счастья. Я отказалась лишь от соблюдения приличий. В тот момент я прекрасно понимала, что, если не позволю мужу быть с Софией, лет через десять стану вдовой. Убивать человека ради того, чтобы он ещё десять лет побыл твоей собственностью, — какое-то сомнительное счастье, тебе так не кажется? Можно подумать, ты не отпустил бы свою жену, если бы она влюбилась в другого.

— Отпустил бы, — ответил Гай, не удивляясь, что может сказать такую фразу: всё-таки они с Викторией рассуждали не про конкретную Амиру, а про абстрактную жену. — Но я бы с ней развёлся. А вы…

— А мы не можем развестись, — пожала плечами Виктория, возвращаясь к своему омлету. — Мы живём так, как можем. И не лжём друг другу. Что бы ты ни думал о Софи, я точно знаю: она не сделает мне ничего плохого. Я могу ей доверять.

Гай молчал несколько минут, осмысливая всё услышанное, пока Виктория завтракала. Теперь, когда он услышал её доводы в пользу того, что император жил двойной жизнью, на людях называя супругой одну женщину, а в спальне привечая другую, он начинал понимать больше.

Ему очень хотелось спросить, любила ли Виктория мужа, но он не стал этого делать. Бессмысленно, да и нетактично. Гай сделал вывод сам: любила. Ведь если бы не любила, не смогла бы принять нынешнюю ситуацию, как единственно возможную. Верила бы, что сможет завоевать сердце супруга, удалила бы Софию подальше от столицы, спрятала бы, а сама бросила все силы на то, чтобы Арен забыл любовницу. Красивая, молодая, умная женщина… Неужели не справилась бы?

И в этот момент, рассуждая о том, что если бы Виктория захотела — добилась бы любви мужа, — Гай вспомнил то, что не учитывал прежде.

— В тот день, когда возле Императорского музея произошло покушение на принцессу Агату… — произнёс он тихо и медленно и сразу заметил, что Виктория настороженно замерла, не донеся до губ тонкую фарфоровую чашку с кофе.

— Что тогда случилось? Я давно понял, что в Софии пробудилась родовая магия — иначе она не смогла бы ходить через камины. Правда, я совершенно не понимаю, как посторонний маг мог получить родовую магию Альго…

На губах Виктории появилась слабая улыбка.

— У Софии нет родовой магии Альго.

— Да? — Гай поднял брови. — А как тогда?

— Софи пришита к императору, — ответила Виктория, и Гай изумлённо замер. — Они живут одной жизнью. Соответственно, огонь не воспринимает её как отдельную личность. И правильно — строго говоря, Софии не существует.

Гай потёр ладонью лоб — ему почудилось, будто мозги распухли и пытаются пробить черепную коробку, чтобы вытечь наружу, — и выпалил:

— Объясни, пожалуйста. Я не понимаю.

— Хорошо, — кивнула Виктория и начала говорить.

***

Она ещё никому не рассказывала эту историю. Даже Силвану, своему психотерапевту, — несмотря на тёплые отношения между ними, Виктория не решилась доверять тайну Арена и Софии.

А Гаю вот хотелось рассказать. Может, повлияло покушение, а может, что-то ещё. В конце концов, Виктории с самого начала не нравилось, что он относится к императору и их

аньян словно к людям, которые её мучают. Только раньше она не желала ничего объяснять, а сейчас решилась.

История была невероятной, и если бы Виктория не участвовала в ней самолично, ни за что не поверила бы, будто подобное возможно. София ведь превратилась в абсолютный щит, спасая наследницу, — а Арен при помощи Эн Арманиус сделал всё, чтобы вернуть свою любимую женщину. И на следующий день после возвращения у Софии проявилась родовая магия её деда — главы Комитета безопасности Вано Вагариуса.

— Надо же, как интересно, — пробормотал Гай, в шоке рассматривая предрассветный полумрак за окном. — Родовая магия действительно проявляется через сутки после рождения, и возвращение Софии сработало как рождение. Любопытный эффект. Если повторить такой, у всех нетитулованных прорежется родовая магия и без всякого анализатора…

— Искренне в этом сомневаюсь. Но за подробностями, что и почему, тебе лучше обратиться к Янгу, — посоветовала Виктория, и Гай негромко рассмеялся.

— И здесь Рон отметился!

— Конечно. Он же дружит с Эн Арманиус, помогал ей, создавал артефакты для… — Императрица задумалась. — Защитница, даже не знаю, как назвать случившееся, не процедурой ведь? Больше похоже на ритуал.

— Согласен, на ритуал воскрешения, если бы такой су-

ществовал. И что может мне ответить Янг, я представляю. Скорее всего, при возвращении использовались кровные артефакты — то есть Рон и Эн заранее знали, чьей внучкой является София. Значит, чтобы получить подобный эффект пробуждения родовой силы, нам нужно как минимум установить родственников. А как максимум…

— А как максимум — угробить подопытного, — фыркнула Виктория. — Сомневаюсь, что мы найдём добровольцев, да и Арен ничего подобного делать не разрешит. Он не любит эксперименты на людях.

— Да? — с сомнением протянул Гай, и императрица понимающе улыбнулась.

— Это другое. Кстати… — Виктория внезапно вспомнила, что хотела узнать у собеседника, раз уж Арен не удосужился ничего объяснить перед тем, как ушёл. — Болдиус точно не замешан в покушении? Мне показалось странным, что меня пытались убить именно во время нашей с ним прогулки. Ещё и это чудесное спасение… Вдруг всё было подстроено, чтобы завоевать моё доверие? Женщины любят своих спасителей.

— Нечто подобное я спросил у Дайда некоторое время назад… — начал Гай, и императрица оживилась.

— О! Ты познакомился с Гектором? И как он тебе?

Ей было немного странно, что она вот так — почти по-дружески — сидит и болтает с бывшим заговорщиком, но желание узнать новости оказалось сильнее неловкости и

предубеждения.

Раз уж начали фамильярничать и быть на «ты», следует продолжать.

Гая, по-видимому, не сковывали никакой клятвой или хотя бы обещанием не рассказывать ничего императрице, потому что он легко и непринуждённо, во всех подробностях поведал, что происходило после того, как Виктория потеряла сознание, в том числе о том, как его недавно вызвал к себе император.

— Опять работал вместо того, чтобы спать, — проворчала императрица, не в силах справиться с раздражением. Вот как на него злиться? Если бы Арен жертвовал другими людьми, но сам отдыхал в неге — тогда понятно, несправедливость и так далее. Однако император и себя не жалел нисколько. Обижаться на мужа для Виктории давно было всё равно что бить тяжело раненного — у Арена и без её претензий хватает проблем.

— Значит, ключ… — задумчиво протянула Виктория, когда Гай закончил своё повествование признанием о предсказании Тайры. — Что ж, Гектор прав: это может значить что угодно. Болдиус может быть участником, а может просто привести Дайда и Арена к заговорщикам. И когда они закончатся…

— Никогда? — предположил Гай, и императрица кисло улыбнулась. — Ты, кстати, спросила, как мне Гектор. Он

профессионал своего дела, это очень чувствуется, но ещё я думаю, что он знает больше, чем говорит. Точнее, чем сказал при мне — скорее всего, император тоже в курсе. Я думаю, они подозревают конкретного человека.

— В качестве главы заговора?

— Да.

Виктория задумалась.

А ведь логично. Когда-то Арен подозревал Аарона, и в итоге было сделано всё, чтобы он среагировал на провокацию, раскрыл свои карты. Да, это едва не привело к гибели императора, но цель всё же была достигнута. Арен не только добыл неопровержимые доказательства причастности старшего брата к попытке переворота при множестве свидетелей, но и ликвидировал угрозу.

Неужели сейчас он собирается сделать то же самое? Готовят провокацию для главного заговорщика. Тогда слово «ключ» по отношению к Вистану более объяснимо — он станет ключом к этой провокации. Правда, всё равно непонятно, является ли Болдиус участником заговора или нет.

Додумать эту мысль она не успела — в камине взметнулся огонь, пламя затрещало, выпуская императора. Арен перешагнул решётку и с самым невозмутимым видом оглядел сидящую в кресле Викторию и Гая, который при его появлении встал и поклонился.

— Можешь не вскакивать, — сказал император Гаю, подходя к жене, поцеловал ей руку, а затем опустился в свобод-

ное кресло. — Точнее, можешь не вскакивать, когда вокруг находятся близкие мне люди. При посторонних, особенно при иностранных делегациях, конечно, нужно. Этим правилом не пренебрегает даже Рон.

Гай явно подавил улыбку, но Арен не стал продолжать свою мысль — сменил тему, обратившись к Виктории:

— Как ты себя чувствуешь?

— Отлично, — призналась она, не покривив душой. — Тадеуш — мастер. Никаких последствий не ощущаю, только есть очень хотелось, поэтому я уже позавтракала.

— Сейчас позавтракаешь ещё раз. Тадеуш предупреждал, что первые сутки после покушения у тебя будет зверский аппетит — побочный эффект от какого-то отвара, которым он тебя поил, чтобы быстрее заживали ожоги в горле.

— Даже не верится, что они были… — негромко пробормотала Виктория. — Сейчас никакого дискомфорта, в том числе когда глотаю.

— Вот и прекрасно — подытожил Арен. — В отличие от тебя, Болдиус пока в неважном состоянии. Исчерпание родовой магии без последствий не проходит. Но он выздоровеет и, я уверен, уже завтра явится с визитом.

Виктория усмехнулась.

— Правильно я понимаю: ты хочешь, чтобы я его приняла и в будущем не отказывалась от общения?

— Конечно. Ты же благодарна за спасение. Верно?

— Разумеется, — вздохнула императрица, в этот миг как

никогда понимая: со вчерашним неудачным покушением ничего не закончилось, а наоборот, всё только начинается.

Глава третья

После завтрака — не раннего, а основного, вместе с детьми и Гаем, которому Арен сам предложил присоединиться, — император сообщил, что все (кроме него, разумеется) до вечера отправляются на море — отдыхать и восстанавливать силы. Виктория чувствовала себя полной этих самых сил, но возражать не стала, тем более что и София, и дети безумно обрадовались. Хотя аньян чуть позже призналась ей:

— Я думала, после случившегося с тобой Арен всё отменит.

— Обошлось, — улыбнулась Виктория в ответ. — Значит, можно и отдохнуть. Жаль, что Арен с нами не отправится.

Жаль было не только потому, что она искренне переживала за мужа, который отдыхал не чаще муравья во время строительства муравейника, но и потому что в присутствии Арена Виктории на ум будет приходить меньше дурацких мыслей про Гая и свою на него реакцию. После утреннего разговора, из-за которого близости между ними появилось больше, чем после поцелуя, Виктория искренне считала, что ей нужен холодный душ. Арен отлично умел охолонить, прервать чужие мечты о несбыточном — для этого ему даже не нужно было говорить. Виктория держала себя в руках при нём просто по привычке, ведь как-то странно при муже за-

глядываться на посторонних мужчин. Однако в это воскресенье император остался во дворце, и глаза то и дело невольно стремились найти Гая.

Артефактор, её тень и бывший заговорщик, сначала решительно воспротивился требованию Агаты тоже раздеться и вообще расслабиться — сегодня, мол, можно, — но потом сдался. Принцесса была необыкновенно настойчива и логична, объясняя мужчине, что находиться на пляже в полной экипировке при такой погоде вредно для психологического здоровья. Да, так и сказала — для психологического! И пояснила, когда Гай улыбнулся:

— Обидно же, когда все купаются, а ты нет. Зачем переживать, если можно не переживать?

— Да и ваши способности к защите всех нас вряд ли сильно пострадают, если вы снимите штаны, рубашку и китель, — пошутила София, и Гай, хмыкнув, признался:

— Было бы чему страдать. Я же не предотвратил покушение на её величество.

— О! — Агата округлила глаза, да и Ариэлла с Александром застыли, потрясённо глядя то на Гая, то на Викторию. — Мам, на тебя было покушение? И мы ничего не знаем? Рассказывай!

Послав смущённому Гаю укоризненный взгляд, Виктория быстро уверила детей, что рассказывать нечего, а потом в дело вмешалась София и отвлекла своих подопечных, создав иллюзию разноцветных тропических птиц, которые приня-

лись гоняться друг за другом по пляжу, издавая забавные звуки.

— Извини, — пробормотал Гай, подойдя к Виктории, когда дети со смехом переключились на иллюзорных птичек. — Я не подумал, что наследники не в курсе.

Она не стала говорить, что это не удивительно — всё-таки у Гая касательно дворцовых интриг и покушений совсем нет опыта. Но если он поработает с их семьёй ещё немного, то опыт обязательно появится.

— Лучше раздевайся и сходи поплавай, — ответила Виктория слегка раздражённо и отошла в сторону, решив присоединиться к играющим детям.

***

В воскресенье Гай понял про отношения между всеми присутствующими больше, чем за прошедшую неделю. Это было несложно: достаточно оказалось приглядываться и прислушиваться, благо его допустили в непосредственную близость к императрице. Кроме Виктории, наследников и Софии к морю ещё отправились малышка Ариэлла, а также Вано Вагариус, глава комитета безопасности. Через пару часов один из подчинённых Вагариуса доставил к пляжу мать Софии — симпатичную брюнетку без капельки магии — и двух сестёр девушки. Одна была совсем маленькой, чуть старше Тейки, другая — школьница. Первая оказалась вы-

литой матерью, вторая, по-видимому, пошла в отца, а внешность самой Софии настолько напоминала Вагариуса, что это очень бросалось в глаза.

Никого из присутствующих не смущало абсолютно ничего. Не смущало то, что аристократы здесь перемешиваются с нетитулованными магами и обычными людьми, что жена и любовница императора вместе плавают в море и над чем-то громко хохочут, что дети, между которыми не было не просто ничего общего, а имелась целая пропасть сословных различий, компанией играют на берегу.

Поначалу Гаю казалось, что он сходит с ума. Это ощущение усилилось, когда вслед за матерью и сёстрами Софии тот же подчинённый Вагариуса привёл к пляжу нетитулованную девушку, слабого мага, — и, увидев её, Ариэлла издала дикий, восторженный вопль и побежала обниматься.

— Эмма-а-а! — кричала девочка, кинувшись на шею наклонившейся и смеющейся девушке, и Гай с любопытством покосился на эту парочку, гадая, кем Ариэлле приходится данная особа. Сомнения спустя несколько секунд развеяла София, сообщив, что император сделал Элли шикарный подарок, позволив бывшей аньян девочки присоединиться к ним сегодня.

Чуть позже оказалось, что это был не единственный сюрприз от его величества, который под конец дня всё-таки перенёсся к берегу Кораллового моря и сам. Сделав несколько заплывов — плавал император, как выяснилось, отлично,

— Арен, обняв Агату и Александра, прижавшихся к нему, словно две рыбки-прилипалы, поинтересовался:

— Эмма, не желаете занять вакансию аньян выходного дня? Нам необходима помощь во дворце.

Судя по округлившимся глазам Софии, такого не ожидала даже она, а уж тем более Эмма. Покраснев и став очаровательно-розового оттенка, девушка хотела что-то ответить, но вмешалась воодушевлённая Ариэлла, уговаривая её согласиться.

Да, император избрал абсолютно верную тактику — шанса отказаться у девушки не было, и буквально через минуту он получил её немного ошарашенное согласие, кивнул и сообщил, что Эмма может приступать к своим обязанностям через неделю, когда свыкнется с собственной участью.

— Спасибо, ваше величество, — искренне сказала мама Софии, радостно глядя на дочь. — А то мы в последнее время Софи почти не видим.

— Я знаю, — кивнул император, и его голос, к изумлению Гая, на самом деле был виноватым. — Теперь мы с Викторией будем отпускать её по выходным, обещаю.

Да, Гай за этот день понял многое о всех присутствующих, но главным оказалось понимание, почему Арена, если судить по количеству сорванных покушений, хранят боги.

Император существовал в иной парадигме. Не в той, в которой жили большинство людей в Альганне, да хоть тот же Рон Янг. Пусть он и замечательный парень, но даже он от-

кровенно делил людей на аристократию и всех остальных и выбрал себе сторону, которой придерживался.

Император никого не делил. Аристократ Вагариус, «пустышка» Ариэлла, мама Софии — человек без магии, нетитулованная сирота Эмма, бывший заговорщик и артефактор Гай — Арен ко всем относился одинаково. К кому-то он испытывал чувства, но они не были связаны со статусом. И это по-настоящему, неподдельно поражало.

Гай не был знаком с Аароном, но не сомневался, что тот, наоборот, всегда делил людей по чётким критериям, главным из которых была нужность. Аргай Араниус был ему нужен, поэтому с ним, возможно, старший принц ещё стал бы разговаривать, а вот девушку вроде Эммы заметил бы только в том случае, если бы она случайно врезалась в него на улице. Иначе — никогда в жизни.

Как они получились настолько разными — император и его брат? Удивительно.

Но самым забавным было то, что все окружающие его величество люди будто заражались от Арена подобным отношением — и сами переставали замечать чужие статусы. И, например, Ариэлла, которая наверняка страшно переживала из-за отсутствия у себя энергетического контура, носилась по пляжу с визгом наравне с другими детьми и точно так же, как остальные, забиралась императору на плечи в воде и прыгала оттуда, как со скалы.

Теперь Гай понял: то, что Рон не вставал в присутствии

его величества, — вовсе не заслуга Янга. Не его безрассудное геройство.

Героем здесь был совсем другой человек.

***

Как и Гай, Виктория в этот день тоже много думала.

Раньше она если и пребывала в компании Арена и Гая, то недолго. Сегодня же, после того, как император всё же перенёсся к морю вечером, прошло ещё несколько часов до момента, когда его величество скомандовал возвращаться во дворец.

Ничего необычного не происходило. Все отдыхали, купались, лежали и расслаблялись под солнцем, Арен много и с радостью занимался детьми — как и всегда. И если Гай поначалу смотрелся среди них как туфли вместо подков на копытах лошади, то через несколько часов это ощущение ушло. Да и сам мужчина расслабился, стал чаще улыбаться и даже участвовал в общих беседах. Редко, ведь рассказать о себе он ничего не мог, а обсуждать работу или последние события было нельзя. Так что Гай если и говорил что-то, то обычно совсем нейтральное, вроде впечатлений о погоде.

Да, Виктория не видела никаких причин для подобных выводов, но тем не менее к концу дня она полностью уверилась в одной мысли, внезапно возникшей у неё, когда Арен предложил Гаю поиграть с детьми в догонялки: взрослые бу-

дут волками, а дети — зайчиками. Какой волк поймает больше зайчиков, тот и победил.

Игра вызвала дикий восторг у всех присутствующих детей, даже у почти взрослой Элизы, сестры Софии, которая по признаниям самой аньян последние полгода старалась вести себя более степенно и важно, влюбившись в какого-то мальчика в своём классе. Недолго эта важность продержалась на пляже — пару минут послушав, как визжат остальные, Элиза к ним присоединилась, и Арен снисходительно дал ей фору, поймав не сразу.

Гай, как и император, умел обращаться с детьми. Виктория помнила, что у него есть дочь, но это ровным счётом ничего не значило — уйма людей не имеют понятия, чем заниматься с малышами, особенно когда их больше одного человека, и предпочитают отстраняться. Гай же бегал по пляжу, рыча, как волк, без всякой неловкости, и так же, как и Арен, не слишком заметно поддавался.

Талантливый артефактор, интересный мужчина — хотя о его истинной внешности приходилось только догадываться, — умеет общаться с детьми, аристократ, весьма необходимый заговорщикам, да и императору, кажется, тоже… Весь этот набор несомненно положительных качеств, вкупе с интересом Гая к Виктории, хорошо укладывался в одну её теорию. Даже, пожалуй, не хорошо, а отлично.

Мог ли Арен нанять Гая не только для того, чтобы охранять жену и участвовать в разработках по родовой магии, но

и чтобы развеять её скуку, как женщины? Вполне. Виктория не обманывалась — Арен был способен на что угодно, если искренне считал это благом для страны или хотя бы для собственной семьи. Понимая, что если они и смогут развестись, то не в ближайшее время, он мог присмотреть для Виктории кандидата в любовники, причём максимально удобного кандидата.

Гай связан контрактом — он не может внезапно уехать. По сути, в заложниках у императора находятся его дочь и сестра — следовательно, отказаться исполнять приказы Арена он тоже не может. И если его настойчиво попросили ухаживать за Викторией, то он будет ухаживать, потому что иначе лишится возможности видеться с семьёй.

Да, логично. И ужасно обидно. Неужели Виктория настолько неинтересна сама по себе, что за ней можно ухаживать только по приказу? Или потому что ты заговорщик. Если Болдиус, конечно, действительно заговорщик, его не используют втёмную.

Вистан…

Виктория, закусив губу, отвернулась от Арена и Гая и стала вспоминать своего недавнего спасителя. Вполне привлекательный мужчина, хотя нравился ей гораздо меньше, чем Гай. Но настоящего Гая она ведь и не видела! Только созданную личину. У Болдиуса хотя бы внешность настоящая. Может, и чувства тоже… вполне себе настоящие? Хотя он наверняка мечтает поиметь выгоду от связи с императри-

цей, продвинуться в карьерном плане, но всё-таки проявляет учтивость не по приказу.

Пожалуй, действительно следует быть к нему более внимательной и не отталкивать.

Оставалось только догадываться, позвал Арен бывшую аньян Ариэллы, просто чтобы порадовать девочку, или император изначально договорился с Софией, что именно в присутствии Эммы их воспитаннице сообщат о вынесении приговора её бабушке в следующую пятницу. Можно было поинтересоваться, но Виктория решила, что не станет этого делать, — какая, в самом деле, разница? Главное, что Ариэллу аккуратно ввели в курс дела, но благодаря прошедшему чудесному дню и Эмме, которая быстро отвлекла бывшую подопечную, девочка не слишком огорчилась. Да и знала она, что её бабушку не казнят. Хотя Виктория была уверена: если бы не сама Ариэлла, к которой Арен уже основательно проникся и принял девочку всем сердцем, возможно, император предпочёл бы избавиться от Агнес Велариус. Да, она была талантливым артефактором, но её одержимость идеей сделать из внучки настоящего мага, создать из ничего энергетический контур, опасна. Кто знает, что Агнес учудит в следующий раз?

Арен никогда не рассуждал об этом при Виктории, поэтому она была не уверена в собственных выводах. Возможно, император всё же не стал бы казнить женщину, тем более что

к заговору она не имела ни малейшего отношения. Она просто очень сильно любила внучку. Собственно, как и Морган Рид, отец Тайры, но тот теперь был неопасен — проклятья, которое убивало Тайру, больше не существовало. А вот проблема Ариэллы не решена, и вряд ли айла Велариус откажется от цели, даже несмотря на клятвы, которыми её свяжут по итогу приговора. Такие люди, как она, не умеют сдаваться.

Впрочем, у Элли были собственные мысли по этому поводу, о чём она не преминула сообщить Арену.

— Бабушка не доставит вам хлопот, — сказала девочка сразу после того, как София поведала ей о грядущем последнем заседании суда. — Если она увидит, что я счастлива, и узнает, что я вполне могу поступить в университет… что я познакомилась с Янгом и он сказал, что научит меня… Она успокоится! Я уверена!

— Я тоже на это рассчитываю, — невозмутимо кивнул император, и Ариэлла залилась краской, исподлобья глядя на его величество.

— Так вы поэтому… — протянула она с некоторым разочарованием, и Виктория даже успела немного испугаться. Ещё не хватало, чтобы Ариэлла считала, будто её познакомили с Роном только из-за опасной бабушки!

— Нет, конечно, — улыбнулся император. — Ты заслуживаешь всего, что получаешь, Элли. Запомни это и никогда не сомневайся ни в ком из членов нашей семьи, к коей ты теперь принадлежишь.

Последовавшей вслед за этой фразой улыбкой девочки можно было осветить весь мир.

И если бы сегодняшний день закончился на моменте, когда Ариэлла, всхлипнув, бросилась Арену на шею! Виктория с удовольствием замерла бы на этом мгновении, переждав вечер и ночь, и только утром вернулась бы во дворец. Он ассоциировался у неё с бесконечными проблемами, опасностями и вечной усталостью, поэтому переноситься туда у Виктории не было никакого желания. Несмотря на то, что она понимала: Арен и так позволил им находиться у моря максимально долго, и детям полчаса как пора отправляться спать. По-видимому, муж и сам не желал возвращаться.

И она оказалась права: стоило им оказаться во дворце, как к Виктории в покои явился секретарь выходного дня и сообщил, что из Императорского госпиталя ещё днём пришла записка от Вистана Болдиуса. Не сообщение на браслет, которое можно было переслать, а именно записка — обычный бумажный листок в конверте. Служба безопасности дворца проверила её и пришла к выводу, что никаких опасных чар на записке нет, впрочем неопасных тоже, поэтому её разрешили передать.

— Прочли? — проворчала Виктория, принимая из рук секретаря конверт, но парень покачал головой.

— Нет, ваше величество. Это же личная переписка. Мы только проверили на безопасность, и всё.

Почему-то стало легче, и императрица, дождавшись, ко-

гда секретарь ушёл, открыла конверт и развернула листок.

«Ваше величество!

Проснувшись, первым делом поинтересовался, как Вы себя чувствуете. К сожалению, персонал в госпитале совершенно не в курсе ситуации, и теперь я вынужден мучаться неведением. Удалось ли мне помочь Вам? Я очень старался, но после того, как в Корте мне пришлось столкнуться с заговорщиками, я хорошо понял подлость и недальновидность этих людей. Точнее, даже нелюдей — я глубоко убеждён, Ваше величество, что пытаться организовать переворот, прекрасно понимая, к скольким жертвам он приведёт, могут лишь лишённые души нелюди. Потому я беспокоюсь, как бы попытка убить Вас не привела к неожиданным последствиям. Всё-таки я ни разу не врач, и всё, на что хватило моих искренних усилий, — это погасить взрывы в зародыше, буквально замораживать их внутри Вашего тела. Я пытался не думать, что могу и навредить — всё-таки моя родовая магия способна быть весьма травматичной. Но я рассудил, что лучше такая помощь, чем никакой.

Надеюсь, что я смог сберечь Вашу жизнь. Но о смене охранника, на мой скромный взгляд, Вам стоило бы задуматься.

Завтра меня обещают выписать, и наивысшей мечтой для меня сейчас является возможность увидеть Вас. Если Вы дадите разрешение на визит во дворец, я буду безмерно

счастлив и вечно благодарен.

Ваш покорный слуга Вистан Болдиус».

Дочитав послание, Виктория фыркнула, сама не понимая, чего в ней больше — какого-то нерационального раздражения или восхищения витиеватостью слога артефактора. Но не зря она столько времени провела общаясь с Силваном, который умел раскладывать по полочкам поступки и мотивы — её собственные и чужие, — благодаря этому Виктория быстро сообразила, откуда взялось раздражение. Причём даже не сейчас, а с самого начала, как только она познакомилась с Болдиусом.

Он напоминал ей Аарона. Такой же самоуверенный, харизматичный засранец. В восемнадцать было легко поверить в то, что брат мужа сочувствует ей и хочет быть её другом, сейчас Виктория на такую уловку уже не повелась бы. Жизнь преподала ей хороший урок, и императрица его в полной мере усвоила.

Красивые слова не обязательно правдивы, а некрасивые — лживы. Улыбки могут быть неискренними. И прежде чем верить, лучше хорошенько проверить, и желательно — не один раз.

Вот она и проверит.

Связавшись по браслету с секретарём, Виктория попросила дать Вистану ответ и пригласить его явиться во дворец завтра после обеда.

***

— Можете быть свободны, Гай, — произнёс император, как только они оказались в столице. — Отдохните.

— Да я и не устал, — вырвалось у Гая, и ему показалось, что губ Арена коснулась лёгкая улыбка.

— Займитесь своими делами, — ответил его величество тем не менее жестковато — сразу стало ясно, что спорить бесполезно. Гай молча кивнул, откланялся, пожелал всем хорошего вечера, а затем пошёл, как и было велено, по своим делам — то есть в столовую на ужин. У Кораллового моря пусть и кормили, но плавать и бегать по пляжу, наевшись, сложновато, поэтому Гай не усердствовал — и за весь день в желудке у него плескалась лишь пара стаканов сока и фрукты. Достаточно, чтобы держаться, но недостаточно, чтобы быть сытым.

Взяв в столовой салат, картофельное пюре с мясной подливкой, пару кусков свежеиспечённого хлеба и большой стакан с чаем, Гай опустился за столик и только успел, что перемешать овощи с заправкой, когда перед ним, широко улыбаясь, уселась недавняя знакомая.

— Привет, — сказала служанка Клара, поставив на стол свой поднос. В отличие от Гая, она на ужин взяла только салат. — Рада, что с тобой всё хорошо! А то по дворцу такие слухи ходили, ужас!

Гай тяжело вздохнул. Ну что за бесцеремонная девица! Неужели её никто не учил, что прежде, чем садиться за стол к кому-либо, следует хотя бы спросить разрешения? Впрочем, вполне возможно, что она делает так специально. Выгонять девушку уже после того, как она села, невежливо, а вот сказать: «Извини, я хочу поужинать в одиночестве» — Гай вполне мог бы. Вот Клара это и предотвратила, не оставив ему выбора.

— Какие слухи? — обречённо спросил он, хотя интересно не было. Понятное дело, что слухи всегда ходят, в любом обществе. Он так и узнал про измену Амиры — из слухов, а потом уж сам убедился.

— Ну как?! — Клара округлила глаза. — Переполох же знатный был, Ральфа и ещё кучу охранников сорвали с мест, они куда-то побежали переноситься. Потом айл Родери, врач их величеств, тоже носился туда-сюда. Поговаривали, в покои императрицы заходил. А её саму никто не видел! Хотя уж её величество-то, в отличие от императора, обычно ужин не пропускает. А тут пусто! Расскажи, что случилось, а? Интересно очень.

Гай вновь вздохнул. И почему никто так и не предупредил его, что отвечать в подобных случаях? Особенно Рильо, любитель всяческих регламентов.

— Извини, мне кажется, что это не твоё дело, — грубовато сказал он, но Клара вообще ну смутилась, даже наоборот. Начала энергично кивать. Улыбка с её лица тоже не сползла.

Непрошибаемая девушка!

— Да-да, ты прав, конечно. Просто интересно — жуть! Хотя я понимаю, что секрет. Только вот зачем его хранить, мне неясно. Всё равно ведь мы связаны клятвой, и за пределами дворца не способны обсуждать то, что здесь происходит.

— Чтобы между собой не болтали, — пробормотал Гай, закончив с салатом. Придвинул пюре и мясо поближе и принялся есть, краем уха слушая, что болтает Клара, но не сосредотачиваясь на этом. И только прикончив половину порции, вдруг сообразил: а ведь эта девушка может стать для него отличным источником информации! Любой информации. Особенно если ни с какими заговорщиками она всё же не связана.

И чтобы проверить свою теорию, Гай выпалил:

— Как думаешь, у императора есть любовница?

Клара, в этот момент увлечённо рассуждающая о том, что нет никакого смысла скрывать события от служащих — им так только хуже работается из-за волнения, — осеклась, и безмятежное выражение лица сменилось шоком.

— Э-э, с чего ты взял?

— Ни с чего, — он пожал плечами. — Просто интересуюсь. Я же тут человек новый, ничего толком не знаю.

— Хм, — кашлянула Клара, отчего-то слегка порозовев. — Ну, вообще его величество ни в чём таком не замечен. Более того, все знают, что он нещадно гонял его высочество

Адриана, который был любитель девок пощупать. Да и его высочество Алвар раньше, когда во дворец приезжал, обязательно себе в комнату симпатичную девчонку просил. Вызывал управляющего и говорил: сегодня пусть приходит кто-нибудь, не придёт — накажу. Это ещё при прежнем императоре было. Сама я ничего такого не застала. И его величество всегда со всеми корректен.

— Неужели никаких слухов не было? За восемь-то лет.

Клара вздохнула, чуть нервно улыбнулась, а затем произнесла, понизив голос до таинственного шёпота:

— Вообще-то были. И сейчас есть.

— Да? — Гай поднял брови. — Очень интересно. И какие же?

Служанка приободрилась, интуитивно почувствовав, что он говорил искренне. Гаю и правда было любопытно, какая часть правды просочилась во дворец. Совсем всё скрыть от окружающих вряд ли возможно, особенно когда все участники на виду.

— Помнишь, возле Императорского музея была организована ловушка? Многие, кто работал в тот день, я в том числе, знают, что в магмобиль к принцессе Агате сели не только охранники, но и её аньян. Потом в газетах писали, что её высочество спас абсолютный щит, очевидцы видели его собственными глазами. Но кто мог стать этим щитом? Не охранники же!

— Почему? — усмехнулся Гай из чувства противоре-

чия. — Абсолютным щитом теоретически может стать любой маг.

— Нет! — возразила Клара, смешно надувшись. — Я хоть и совсем слабый маг, почти ничего не умею, но кое-что соображаю. Не любой! Для того, чтобы стать абсолютным щитом, нужны сильные чувства. Очень-очень сильные, искреннее желание спасти. Её высочество не дружила с охранниками, а вот с айлой Тали — да. Наследники её обожают. Да ты сам небось видел!

Конечно, видел. Это было сложно не заметить.

— Абсолютный щит — невозвратное заклинание, — напомнил Гай девушке. — И если бы София им стала, то мы бы её во дворце больше не наблюдали.

— А мы и не наблюдали! Она отсутствовала несколько дней, а потом неожиданно вернулась. И стала рассказывать, что её не было в магмобиле. Якобы она немного проехала, а потом вышла.

— Вполне правдоподобно.

— Нет! — горячилась Клара. — Иначе непонятно, кто спас Агату.

— Кто-то из охранников.

— Ладно, — девушка махнула рукой в сторону Гая, — мы же сейчас не об этом, а о слухах. Тогда слухи пошли, что Агату София спасла, а потом её саму вернул к жизни император. Вернул, потому что… — Клара запнулась, залившись краской с ног до головы, и произнесла очень тихо, по-

чти неслышно: — Любил потому что, вот.

— Угу, — понимающе покивал Гай, делая вид, что не слишком поверил в рассказанное. — А дальше что было? Айла Тали вернулась во дворец и продолжила быть аньян, правильно? То есть ты, получается, думаешь…

— В том-то и дело! — перебила его Клара, округляя глаза, словно просила говорить потише. Наивная. Гай был уверен, что это не поможет. Если службе безопасности дворца будет нужно, они прослушают кого угодно. — В том-то и дело! — повторила служанка горячо. — Такая логичная и романтичная история. София любила его величество, он любил её. Она пожертвовала собой ради его дочери, он её спас. Но продолжать работать во дворце вот так, как работает она… И император женат…

— Согласен, — кивнул Гай. — С его стороны жестоко держать любовницу в качестве аньян собственных детей. Значит, слухи ошибочны.

— Да, скорее всего, — с явной жалостью вздохнула Клара. — А жаль.

— Почему жаль?

— Красивая история просто.

— Мало ли красивых историй? Было бы гораздо печальнее, если бы это всё было правдой.

Клара согласилась, а Гай, доедая картофельное пюре, думал, что, наверное, оказал Арену сейчас услугу. Его собеседница — девушка явно болтливая, пусть понесёт мысль о том,

что подобным образом жить невозможно, дальше в коллектив.

Ни к чему всем подряд знать про этот своеобразный любовный треугольник. Достаточно одного Ральфа… а теперь ещё и Гая.

Глава четвёртая

Виктория уже собиралась ложиться и залезала под одеяло в собственной комнате, когда неожиданно услышала треск пламени в гостиной. Удивившись, она быстро набросила на плечи халат и вышла в соседнюю комнату, сама не зная, почему в глубине души надеется, что это София решила зачем-то привести сюда Гая.

Нет, конечно. Её охранник, по-видимому, посчитал, что он слишком много мозолил Виктории глаза весь день, и потому вечером к ней заходить не стал.

Императриц

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.